

АЛЕКСЕЙ ГЕРАСИМОВ

МЕТКА ЗВЕРЯ:

Чужая невеста

18+

Алексей Герасимов

Метка зверя: Чужая невеста

«Автор»

2026

Герасимов А.

Метка зверя: Чужая невеста / А. Герасимов — «Автор», 2026

Похмельное утро Максима Ветрова, тридцатичетырёхлетнего капитана полиции, не задалось. На заднем сиденье его машины, стоящей в лесу, спит голая девушка с серебряными волосами. На плече непонятная татуировка, а на лесной дороге — разорванный лось. Незнакомка утверждает, что она прибыла из другого мира, сбежав от психованного жениха, а татуировка — магическая метка истинной пары. Опытный опер не верит ни единому слову странной девушки, пока его лучший друг не исчезает при странных обстоятельствах, а по городу начинает находить разорванные тела.

© Герасимов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Утро в сосновом бору	5
Глава 2. Протокол для беглянки	15
Глава 3. Следы, которых быть не должно	29
Глава 4. Временная на территории	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Метка зверя: Чужая невеста

Глава 1. Утро в сосновом бору

Холод внедрил бодрящие иглы под кожу раньше, чем Ветров осознал, что проснулся. Опер сидел на чём-то кожаном, выдёргивая сознание из вязкого похмельного забытья по отработанной годами схеме. Первое: где я? Второе: кто рядом? Третье: есть ли угроза? Четвёртое: где табельное, телефон и ключи от машины. Пятое: Какое на хрен число и успеет ли он забрать у бывшей Алиску на выходные?

Максим разлепил веки и несколько секунд пялился в запотевшее стекло водительской двери своего старенького Аутлендера. Сквозь разводы проступала серая муть. То ли раннее утро, то ли поздние сумерки, то ли вообще конец света, наступивший из-за того, что он вчера нажрался, как последний алкаш. Дыхание вырвалось облачком пара. Стоп. Начало сентября. На улице плюс двадцать даже ночью. В машине не могло быть до такой степени холодно, чтобы изо рта шёл пар.

Голова раскалывалась ровно настолько, чтобы подтвердить: да, нажрался. Тело затекло так, словно он спал в обезьяннике не меньше трёх суток. Максим со стоном пошевелился и замер.

Сзади кто-то сопел, а в салоне пахло чем-то лесным и пряным. Мокрой корой, дымом костра и ещё, едва уловимо, серебром. Хотя серебро точно не пахнет, Максим это знал. Однако другого слова для этого запаха не находилось.

Капитан полиции медленно, стараясь не скрипеть сиденьем, повернул голову. На заднем сиденье старенького Митсубиси спала девушка. Голая. Максим моргнул. Незнакомка никуда не исчезла.

Она лежала на боку, подтянув колени к груди, едва прикрытая курткой. Его любимой, кожаной, за которую Макс отдал двадцать тысяч три года назад и которую берег как зеницу ока. Куртка накрывала девушку от плеч до бедра, а стройные ноги торчали наружу. Ступни узкие, с аккуратными пальцами и удивительно чистыми ногтями, без лака. Куртка на плече сбилась, обнажив бледную кожу ключицы и соблазнительную ложбинку между грудей. Ни следа беля или загара от лямок, только гладкая, чуть тронутая холодком, обнажённая кожа.

Серебряные волосы девушки, рассыпавшись по сиденью, стекали на пол. Натурально-серебряные, не крашенные. Максим видел не мало перекрашенных проституток, чтобы отличить пепельный оттенок от этого. Волосы незнакомки отливали металлом, и оперу показалось, что внутри каждого волоска течёт ртуть.

Максим попытался собрать картинку. Лес за окнами? Да, лес, глухой, без просвета. Машина его. Незнакомая девушка с волосами цвета луны под его кожанкой. Похмелье, которое стучит в висках и требует внятного ответа: что вчера было? Вот только ответа не было. Лишь обрывки памяти. Клуб. Друг Пашка, пригласивший «развеситься». Громкая музыка, которую он ненавидит. И взгляд Глаза, которые выловили его через весь зал, будто арканом.

К головной боли подмешивалось что-то ещё. Максим машинально потянулся к плечу. Там, над правой лопаткой, жгло нестерпимо. Футболка прилипла к коже, и когда он оттянул ворот, боль отозвалась резкой вспышкой. Он скосил глаза, насколько хватило гибкости шеи, но разглядеть не получилось. Пришлось шарить рукой, кривясь от боли и неудобств.

Под пальцами не царапина и не синяк. Кожа словно бугрилась рисунком, горячим, пульсирующим в такт собственного сердцебиения. Максим провёл пальцами по краям. Чёткие линии и никакой припухлости, как бывает при воспалении. Включив свет в салоне, он наклонил зеркало заднего вида и повернулся.

— Твою ж мать, — выдохнул он.

Татуировка! Кто-то, пока он был в отключке, ему набили татуху? Крупную, судя по площади, которую занимало жжение. Что за странный рисунок? Собачья лапа? Похоже.

Злость поднялась липкой волной, перекрыв даже боль. Максим ненавидел, когда к нему прикасались без спроса. А тут — в кожу иглой, под кожу краской Опер обернулся, готовясь вытрясти из незнакомки ответы, и замер. Девушка смотрела на него, удивляя фантастическим цветом глаз. Макс был оперативником со стажем и видел всякое: наркотический отблеск, нотки безумия, стеклянные зрачки трупов. Но подобного не встречал. В глазах девушки, в глубинах зрачков, плясали искры. Серебряные и живые. Они вспыхивали и гасли, словно звёзды в аномально чистом ночном небе. Цвет радужки постоянно менялся, переливаясь от светло-серого к темно-стальному, и в этой игре тонуло сознание.

Девушка моргнула, искры погасли, но ощущение, что она видит больше, чем обычный человек, осталось.

Незнакомка села рывком, не стесняясь того, что практически голая. Затем внимательно оглядела салон, деревья за стёклами и вдруг рассмеялась. Смех показался Максиму истерическим, счастливым и испуганным одновременно. Он рвался наружу, захлёбываясь всхлипами.

— Получилось! — выкрикнула она, вцепившись руками в его куртку. — О, Великая Луна, получилось! Я думала сдохну. Боялась, он сожрёт меня вместе с магией, но получилось!

Максим отодвинулся к двери, насколько позволяло пространство салона. Сработал профессиональный рефлекс: неадекватный объект, возможная угроза. Хотя какая, к чёрту, угроза от голой девчонки, которая в его машине ржёт, как ненормальная?

— Ты кто? — спросил он жёстко, включая опера.

Девушка уставилась на Максима. Искры в серебристых глазах начали новый танец.

— Влада, — выдохнула она. — Меня зовут Влада. Я из другого мира. Мы вчера ну, ты помнишь? Были близки. Очень. А теперь связаны. Прости, — девушка вдруг подалась вперёд и схватила Максима за руку. — Прости, я не хотела, чтобы так вышло. Это вышло случайно. Если Радмир нас найдёт, убьёт обоих. Медленно И больно.

Максим смотрел на чокнутую и чувствовал, как реальность плавится на глазах, стекая с краёв сознания горячим воском. Другой мир? Связь? Радмир? Он ожидал услышать всё что угодно. От «я забыла таблетку выпить» до «муж узнал и теперь ищет». Но такое

Голова и плечо заняли с новой силой. Сквозь боль и пелену похмельного кошмара начали прорываться обрывки воспоминаний. Нечёткие, рваные, похожие на кадры старой плёнки, пережёванной проектором.

Флешбэк сжался, превратившись в тугой пульсирующий комок. Вчерашний вечер. Клуб «Волчья ягода».

Клуб гудел и переливался огнями. Максим за стойкой мрачно допивал третью порцию виски и думал, что Пашка — идиот, а сам он идиот в квадрате, потому что повёлся на уговоры друга. Ритм долбил по ушам, полуголые тела молодых на танцполе сливались в однообразную массу, а Максиму хотелось одного: свалить домой, к любимому дивану и телику.

Потом он увидел ЕЁ.

Эффектная блондинка сидела в дальнем углу, у стены, отдельно от всех. Она смотрела по сторонам с таким видом, словно попала в зоопарк и пыталась определить, кто из местных животных опасен, а кто просто декоративный. Гипнотический взгляд скользнул в его сторону и замер. У Максима перехватило дыхание. Буквально. Лёгкие отказались работать, сердце пропустило удар, а потом забилось так часто, словно он только что пробежал кросс. Тело опера среагировало быстрее мозга под градусом, потянувшись к незнакомке.

— Эй, братишка, — Пашка потряс друга за плечо. — Ты чего? Тошнит?

— Всё нормально, — выдавил Максим.

Он заставил себя отвернуться, взял четвёртую рюмку и выпил залпом. Горло обожгло, но странное наваждение не пропало. Он чувствовал женский взгляд затылком физически, словно прикосновение.

— Смотри, — Пашка кивнул в её сторону. — Краля какая. Волосы, ну чистое серебро. Сто пудов, парик.

— Ни фиги, — Максим возразил, не понимая, откуда такая уверенность.

— А ты проверь! — Пашка заржал. — Давай, подсекай, пока другие рыбку из озера не утащили. Только осторожно, брат, выглядит она дикой.

Максим решился. Не потому, что хотел затащить девушку в койку, а потому, что его буквально сдёрнуло с места. Потянуло за невидимую ниточку в груди, словно магнитом.

— Привет, — сказал он, присаживаясь напротив. — Ты здесь как будто не очень ориентируешься. Потерялась?

Она улыбнулась. Улыбка показалась оперу странной. Открытой, даже доверчивой, но с некой хитринкой. Так улыбается хищник, который с тобою играет, но в любой момент готов показать когти.

«Клофелинщица, что ли?» — мелькнула мысль.

— Потерялась, — согласилась она. — Надеюсь, что в хорошем смысле этого слова.

Они быстро разговорились. Она сказала, что её зовут Влада, что она ветеринар и в этом городе впервые. Говорила девушка слишком уж правильно, а некоторые обороты и интонация показались Максиму чужими. Слишком старомодными, что ли.

Он пригласил её танцевать. Влада согласилась сразу, без грамма кокетства, словно ждала именно этого.

Танец Максим вспомнил жар женского тела сквозь тонкую ткань. Вспомнил, как её волосы касались его лица, и от этого прикосновения по коже пробежали мурашки. Вспомнил запах — пряный, дурманивший, от которого кружилась голова сильнее, чем от виски. Потом прозвучала странная просьба отвезти Владу туда, где нет людей.

— Мне нужно место, где нет людей и этих ваших камер. В лес!

— Зачем?

— Попробую вернуться, — девушка говорила тихо, но напряжённо. — Пока ваша луна ещё высока. Я чувствую, что равноденствие близко. Если успею до рассвета

— Что успеешь?

— Уйти. Вернуться. Или — Она замялась. — хотя бы ослабить связь с Радмиром. Он найдёт меня, если я останусь в этом месте надолго. Учует.

Пьяный Максим прокручивал в голове варианты. Отвезти сумасшедшую девочку в лес? Да легко. А дальше?

— Ладно, — сказал он. — Есть одно место. Километров тридцать отсюда. Лес, глухомань, даже сотовый еле ловит. Мы там с парнями два раза в год шашлыки жарим.

Влада посмотрела на него с благодарностью.

— Ты хороший, — сказала она. — Я сразу поняла это.

— Ты меня в первый раз видишь.

— Я чувствую. Пахнешь правильно. Защитой.

— Щеночка из меня решила сделать? Я не против подобных шалостей

— Волка, — поправила Влада серьёзно. — Ты пахнешь волком. Одиноким, сильным, но раненым.

Максим пьяно икнул, но промолчал. Голова начинала болеть. Зачем он так сильно напился? Полчаса спустя «Аутлендер» свернул на знакомую лесную дорогу. Влада сидела рядом, тёплая и живая, пахнущая лесом и дымом. От этого запаха внутри тела поднималось что-то древнее, чего он не мог контролировать.

— Остановись! — внезапно велела она и коснулась мужского плеча.

Током прострелило до поясницы. Максим дёрнул руль, машина вильнула. Он выровнял «Аутлендер» и резко повернулся к пассажирке:

— Ты что творишь?

Влада посмотрела на свои пальцы, потом на мужское плечо. Глаза девушки в изумлении округлились.

— Оно откликнулось, — произнесла она шёпотом. — Ты не помечен, но уже откликаешься. Так не бывает.

— Что не бывает?

Влада подняла взгляд, и Максим утонул.

— Ты моя пара, — сказала Влада. — И кажется, я нашла тебя раньше, чем поняла, что ищу.

Машина замерла на широкой поляне. Глушь, тишина, только луна сквозь ветки. Огромная, неестественно красная по краям.

— Кровавая, — выдохнула Влада. — Я чувствую.

Девушка вышла из машины, сделала несколько шагов и подняла руки к небу.

Максим, выйдя следом, смотрел, как лунный свет стекает по серебряным волосам, как кожа девушки светится изнутри, как меняются её глаза — становясь огромными, звериными, с вертикальным зрачком.

— Иди ко мне, — позвала она, не оборачиваясь. — Помоги

— Чем?

— Просто побудь рядом. Твоего присутствия достаточно. Ты для меня якорь.

Максим встал спиной перед девушкой, чувствуя, как воздух вокруг него начинает вибрировать. Волосы на голове встали дыбом от статики.

— Не бойся, — прошептала Влада. — Я не хочу причинить боль.

— Я не боюсь, — ответил Максим.

Потом был свет, жар и кожа под пальцами. Следом вспышка, когда она коснулась губами мужского плеча, а клыки вошли в плоть. Мир взорвался миллионом искр и собрался заново — уже другим, общим.

— Готово, — выдохнула Влада ему в шею. — Теперь ты мой.

Максим вспоминал всё это не картинкой, а телом. Холод ночного воздуха, обжигающий кожу, и жар тела девушки, который плавил изнутри кости. Влада, залитая красным светом луны, снимала с себя одежду. Медленно, без кокетства, будто нечто обыденное, убирая всё лишнее между мужчиной и женщиной.

— Ты дрожишь, — сказала она, касаясь его груди.

— Холодно, — ответил Максим, в реалии не чувствуя холода. Только нежные пальцы, оставляющие на коже огненные следы. Когда он успел раздеться?

— Это просыпается метка. — Влада привстала на цыпочки и лизнула ему шею там, где билась жилка. Язык показался горячим и шершавым, словно у кошки. — Ты пахнешь страхом. Я не сделаю больно.

— Я не боюсь, — повторил Максим.

На самом деле он боялся Но другого. Что не сможет остановиться. Что эта странная девушка с серебряными волосами затянет в омут, из которого нет возврата. Что утром он проснётся и не вспомнит себя прежнего. Но останавливаться уже не хотелось.

Влада потянула вниз, на траву, и Максим подчинился. Впервые за многие годы он подчинился женщине без грамма сопротивления. Трава была мокрой от росы, холод обжёг спину, но Влада накрыла мужчину собой, и тот отступил.

— Смотри на меня, — приказала она. — Смотри в глаза. Не закрывай.

Максим смотрел. Зрачки девушки расширились, став бездонными. В этой пугающей черноте по-прежнему плясали серебристые искры. Максим проваливался в них и тонул, теряя

связь с реальностью. Медленно, глядя ему прямо в глаза, Влада опустилась на звенящую в возбуждении плоть, принимая её в себя целиком, без остатка. Максим задохнулся. Внутри было так горячо, так влажно и невероятно узко. Женское лоно сжало так, будто не хотело отпускать никогда. По телу прокатилась волна дрожи. От позвоночника к затылку, от затылка к кончикам пальцев. Максим выгнулся, инстинктивно подаваясь навстречу, услышав тихий, горловой стон.

— Да, — выдохнула Влада, запрокидывая голову. Серебряные волосы хлестанули по воздуху и рассыпались по плечам. — Так вот так

Она двигалась плавно, текуче, будто не человек, а дикая кошка, играющая с добычей. Но добычей Макс себя не чувствовал. Скорее — желанным, нужным и единственным.

— Жарко, — выдохнула Влада, запрокидывая голову. — Боги, как жарко

Максим любовался, как под бледной кожей полыхает румянец. Как напрягаются мышцы на плоском животике. Как упругая грудь вздрагивает при каждом вдохе. Серебряные волосы, рассыпавшиеся по плечам, падали на него, щекоча грудь, живот и бёдра. Он протянул руку, глядя манящее, белоснежное бедро. Кожа казалась невероятно гладкой, горячей и влажной от росы и пота.

— Ещё, — попросила она. — Трогай меня. Всю.

Он трогал. Ладонями, пальцами, губами. Пробовал на вкус — солёная, пряная, пьяная. Она выгибалась под ласками, постанывая сквозь зубы, но глаз не закрывала.

— Сейчас, — вдруг сказала она. — Сейчас будет

Максим не понял, что будет, но почувствовал, как воздух сгустился, став вязким, как мёд. Запах озона резко перебил все лесные ароматы. Влада коснулась губами его плеча, и Максим опять ощутил, как клыки входят в кожу. Боль вспыхнула ослепительной вспышкой и сразу погасла, сменившись жаром, разливающимся от плеча по всему телу. Волна достигла низа его живота и взорвалась там фейерверком оргазма.

Максим кончил — резко, сильно, без предупреждения, слыша, как закричала партнёрша, вцепившись когтями ему в грудь. Женское тело сотрясала бурная дрожь. Влада билась на нём, словно в припадке, и Максим чувствовал, как сокращаются мышцы, выжимая из члена последние соки. Потом была вспышка. Реальная вспышка. Серебряная молния ударила с неба прямо в любовников, соединив пару на мгновение с красной луной. Максим услышал голос. Чужой, низкий, звериный:

— Нашёл.

Или — «нашла». Он так и не понял. Потому что проваливался в темноту, унося с собой вкус губ, запах леса и ощущение, что мир перевернулся.

Воспоминание оборвалось, выбросив Максима обратно в холод салона машины.

Внутри закипала ярость. На себя — за то, что позволил неизвестно кому затащить себя в лес и потерял контроль. На неё — за эту дурацкую историю про другой мир. На ситуацию в целом.

— Ты хочешь сказать, — процедил Максим медленно, чеканя каждое слово, — что мы трахнулись, и теперь у меня на плече чёрт знает что, а какой-то Радмир хочет нас кончить? Серьёзно?

Влада кивнула. Спокойно, без тени улыбки.

— Абсолютно. Радмир — мой жених. Он Альфа клана Чёрных Скал. Силён, жесток и считает меня своей собственностью. Я сбежала от него в ночь кровавой луны, когда сошлись условия для портала, и вывалилась рядом с клубом. Того, где тебя встретила.

— Портала, — повторил Максим. — Другой мир.

— Терра Люпус, — подтвердила Влада. — Мир оборотней. Магия, луны и законы там иные. А здесь я беззащитна. Почти. Кроме метки. Метка связала нас.

— Метка, — он снова коснулся плеча, поморщившись от жжения. — Эта штука пульсирует. Это нормально?

— Да. Она живёт в такт нашим сердцам. И не только. — Влада помолчала. — Теперь ты будешь чувствовать меня. Мои эмоции, боль, страхи и желание. Она будет возвращать тебя ко мне снова и снова. Это связь на уровне душ.

Максим выругался. Длинно, витиевато, используя лексикон, которому позавидовал бы любой уголовник. Влада слушала с любопытством, склонив голову набок.

— У нас так не ругаются. Интересно звучит.

— Заткнись, — огрызнулся Максим. — Просто заткнись и дай подумать.

Он думал. Быстро, лихорадочно, перебирая варианты. Допустим, она сумасшедшая. Психованная с богатой фантазией. Тогда что? Тогда он трахнул больную, получил непонятную татуировку (в тату-салоне? ночью? бред) и теперь должен сдать её в дурку? Легко.

Но татуировка пульсировала, а иней на стёклах не таял, хотя в машине было тепло. И запах был тем же, что и вчера — пряным, дурманящим, нездешним.

«А если не сумасшедшая?»

Максим повернул ключ зажигания. Двигатель заурчал, оживая.

— Ого, — Влада с восхищением уставилась на приборную панель. — На какой магии работает эта повозка? У нас подобное только в старых легендах описывали. Механизмы, которые движутся сами.

— Заткнись, — повторил Максим. — Одевайся, перелазь на пассажирское кресло и пристегнись.

— Что сделать? — спросила Влада, вернув Максиму куртку. Без тени смущения она подняла с пола одежду, начав одеваться.

— Ремень безопасности. Вон та лямка. Дёрни и защёлкни в этот замок.

Влада, одевшись, ловко перескочила вперёд и дёрнула за ремень. Лямка выскользнула, и девушка зашипела от неожиданности. Максим вздохнул, перегнулся через неё и сам застегнул ремень. Женское тело под мужскими руками напряглось, а метка на плече отозвалась теплом. Он поспешил отодвинуться.

— Спасибо, — сказала Влада тихо. — Ты добрый.

— Я не добрый. Я мент. А если ты мне врёшь, я это быстро выясню.

Она улыбнулась, и в улыбке снова скользнула та самая хитринка.

— Выясняй. Только не убейся потом об нашу реальность.

Одежда на Владе выглядела так же странно, как и она сама. Тонкая ткань, серая с серебряным отливом, облегла тело, не образуя складок. Швов не видно — будто всё сшито паутиной. На поясе широкий ремень, застёгнутый на фибулу с изображением полумесяца и волчьей лапы. На ступнях мягкие полусапожки на тонкой подошве. На внутренней стороне голенища Максим отметил тиснение. Символ, похожий на перевернутую букву «А» с перекладиной.

— Дорогой у тебя прикид, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Из какого бутика?

— Из моего мира, — Влада провела рукой по ткани. — На мне дорожный набор целителя. Я же ветеринар. Лечу животных и людей, если требуется.

— Ветеринар, — Максим усмехнулся. — Удобно, наверное, когда вокруг тебя одни лишь животные.

Влада посмотрела на мужчину с уважением:

— Ты соображаешь быстрее других. Даже в моём мире многие верят не до конца, пока живую оборот не увидят.

— Это вовсе не значит, что я купился на твои сказки.

На выезде из леса, прямо поперёк дороги, лежала туша. Максим ударил по тормозам. «Аутлендер» чуть занесло на мокрой листве. Влада вцепилась в панель, но не закричала. Только, сжав зубы, смотрела вперёд. Поперёк дороги лежал лось. Крупный самец, с мощными рогами, в самом расцвете сил. Дикий зверь был определённо мёртв.

Максим достал пистолет из бардачка, вышел, осмотрелся и подошёл ближе. Лось был разодран. Не сбит машиной, а разодран. Когтями. Крупными, мощными, оставившими глубокие борозды на боках. Шея вывернута, глаза выколоты, живот вспорот.

— Свежий, — сказал Максим вслух. — И часа не прошло.

Влада возникла рядом бесшумно, бледная до синевы.

— Они кормятся, — прошептала она. — Волки Радмира.

— Снова волки? — спросил Максим.

— Оборотни, — поправила Влада. — В своей истинной форме.

Она повернулась к лесу, шумно втянув носом воздух. Максим увидел, как расширились зрачки девушки и дрогнули ноздри.

— Ушли. Недалеко, но ушли. — Влада выдохнула с облегчением. — Пока мы в безопасности.

— Пока?

— Пока не поймут, что я с тобой и что у меня теперь есть защитник. Благо твоя метка изменила мой след.

Максим снова посмотрел на тушу лося, на следы когтей и развороченные внутренности. Потом перевёл взгляд на хрупкую девушку с серебряными волосами, которая говорила об оборотнях так, словно речь шла про обычных собачек.

— Вернись в машину, — приказал он коротко.

Капитан полиции не знал, верить ли ей. Но инстинкт опера подсказывал: эта история не закончится просто так. Тушу лося невозможно списать на глюки. Максим вернулся в машину и заблокировал дверь. «Аутлендер» объехал тушу и вырулил с лесной дороги на шоссе. Влада крутила головой, разглядывая проплывающий за окном пейзаж. Бензоколонки, рекламные щиты, придорожные кафе. Каждая деталь вызвала у неё живой интерес, граничащий с восторгом. Особенно девушку поразили линии электропередач.

— По этим нитям течёт ваша сила? — спросила она, тыча пальцем в стекло.

— Электричество, — буркнул Максим. — Не сила, энергия. Лампы горят, приборы работают.

— Магия, — уверенно кивнула Влада. — Просто другая. Скучная. Без огонька.

Максим не стал спорить. Голова всё ещё болела, и мысли путались. Нужно было доехать до отделения, сдать девушку на опознание, пробить по базам, найти Пашку и выяснить, что за чертовщина произошла на самом деле.

— Едем в город, — сказал он. — Разбираться. Если этот твой Радмир существует, я его найду. Я опер, в конце концов. Для того и служу.

Влада посмотрела на Максима с надеждой и благодарностью.

— Спасибо, — прошептала она. — Ты даже не представляешь, что для меня значит — не отшвырнуть, не обозвать сумасшедшей и не выкинуть на дорогу.

— Рано благодарить, — буркнул Максим, трогаясь с места. — Может, я тебя в дурку сдам.

— Не сдашь, — улыбнулась Влада. — Метка не даст.

— И что это значит?

— А то, — Влада хитро прищурилась, — что ты уже чувствуешь. Там, глубоко. Что я не вру. И что бросить меня не сможешь. Даже если захочешь.

Максим стиснул руль так, что побелели костяшки. Она была права. Чёрт бы её побрал, права. Внутри под рёбрами поселилось странное тепло, тянущееся к девушке. Обволакивающее, заставляющее видеть в ней не чокнутую, а свою. Близкую. Родную. От этого осознания становилось по-настоящему страшно.

Город встретил серым утром и моросью. Максим въехал во двор своей многоэтажки, заглушил мотор и несколько секунд сидел неподвижно, глядя на знакомый пейзаж. Качели,

лавочки, облезлые тополя. Вчера это была его обычная жизнь, сегодня она казалась филиалом дурдома.

— Приехали, — сказал он. — Выходи.

Влада выбралась из машины с грацией дикой кошки и с любопытством уставилась на девятиэтажку.

— Высоко, — заметила она. — У нас так не строят. Наши дома низкие, чтобы прыгать можно было с крыши на крышу в волчьем облике.

— В волчьем, — эхом повторил Максим. — Боже, за что мне это?

— Слишком много звуков и запахов, — бормотала девушка, потирая ухо. — Ничего не могу различить. Всё смешалось. Железо, еда, люди, звери, дым

— Привыкнешь, — ответил Максим.

Влада подошла с ним к подъезду, потрогала стену, затем понюхала.

— Пахнет чужими. Много чужих запахов. И кошками.

— У бабы Нины с пятого этажа три.

— Зачем ей три?

— Любит.

Влада задумалась, но ничего не сказала. В лифте девушка вжалась в угол и с ужасом смотрела на закрывающиеся двери.

— Это клетка?

— Это лифт. Поднимает наверх.

Максим вышел на лестничную клетку восьмого этажа. Влада выпрыгнула из тесного помещения следом. Из соседней двери тут же высунулась голова, выкрашенная в фиолетовый цвет. Зинаида Петровна, местный стукач и блюститель порядка. Пенсионерка с вечно недовольным лицом и любопытным носом.

— Максим, это кто с тобой? — Глаза у старухи загорелись любопытством. — Алису привёл? Непохожа

— Зинаида Петровна, — Максим включил режим «вежливого соседа», — это моя знакомая. Из другого города приехала. Погостит немного.

Влада шагнула вперёд и понюхала воздух в сторону старухи. Зинаида Петровна аж поперхнулась.

— Она это чего?

— Аллергия, — быстро ответил Максим. — На духи. Вы, кстати, сегодня «Красной Москвой» побрызгались? Сильно пахнет.

— Ну я вообще-то, да, — растерялась старуха. — А что, так заметно?

— Да нет, в пределах терпимости.

Максим подхватил Владу под локоть и, открыв замок, втолкнул в квартиру, захлопнув дверь перед носом возмущённой соседки.

— Ты чего нюхаешь людей? — зашипел он. — Это же неприлично!

— Я проверяла, нет ли следов Радмира, — обиженно ответила Влада. — И нет. Она чистая. Только воняет цветами.

— «Красная Москва» — это духи. И не воняет, а пахнет.

— Хорошо. Пахнет цветами, которые умерли и ими намазали человека, — уточнила Влада.

Максим махнул рукой и включил свет. Квартира предстала во всей красе холостяцкого бардака. Немытая посуда в раковине, разбросанные носки, на журнальном столике папки с делами и пепельница, полная бычков.

Влада огляделась и выдала:

— Пахнет так же, как и в машине. Одиночеством и злостью.

Максим промолчал. Потому что это была чистая правда.

— Сиди здесь. Никуда не выходи. Я в душ и буду думать, что с тобой делать.

Влада послушно уселась, поджав под себя ноги, и уставилась в окно. Максим пошёл в ванную, встал под горячие струи и долго там отмокал, пытаясь смыть остатки оцепенения. Не получалось. Метка на плече горела, напоминая о себе и о ней. Опер вышел через десять минут, замотанный полотенцем, и застал Владу на кухне. Та стояла перед открытым холодильником и с интересом изучала содержимое.

— Мясо, — констатировала она. — Сырое. Можно?

— С ума сошла? — Максим подошёл ближе. — Сырое мясо есть нельзя.

— Почему? — девушка искренне удивилась. — Это же мясо. Я ветеринар, я знаю, когда оно свежее.

— Ты Ладно, — он махнул рукой. — Яичницу будешь?

— А что такое яичница?

Максим тяжело вздохнул и полез за сковородкой. Пока жарил яичницу с беконом, Влада сидела за столом и рассказывала. Про свой мир, в котором правят кланы оборотней, магия — обыденность, а техника на уровне паровых машин. Про Радмира, красивого и жестокого, который год держал её в золотой клетке, контролируя каждый шаг. Про побег, отчаяние и про вспышку портала.

— Я не хотела втягивать тебя, — закончила она тихо. — Правда. Хотела просто исчезнуть в вашем мире и затеряться, чтобы он не нашёл. Но когда я увидела тебя в том клубе Метка сработала мгновенно. Я даже не поняла, что происходит. Ты просто оказался тем, кто мне нужен. Тем, с кем мы идеально совместимы. Это редчайший дар, Максим. Истинная пара. У нас такое случается раз в несколько поколений.

Максим поставил перед ней тарелку с едой.

— Ешь давай. И давай без сказок.

Она послушно взяла вилку, поковыряла еду и попробовала.

— Вкусно, — удивилась она. — Странно, но вкусно. У нас так не жарят, у нас запекают на огне. Или едят сырым.

— Радуйся, что попала в цивилизацию, — буркнул Максим, садясь напротив.

Он смотрел на девушку и думал. Красивая, чёрт возьми. Даже слишком. Такая красота обычно приносит проблемы. И, судя по всему, уже принесла — в его дом.

— Что теперь? — спросил Макс.

Влада отложила вилку и посмотрела серьёзно.

— Ждать. Радмир не сможет открыть портал обратно до следующей кровавой луны. А та через месяц. Но это не значит, что он будет бездействовать. Он станет искать И убивать. Он сильный Альфа, в нашем мире ему нет равных. Здесь он слабее, так как магия будет работать иначе, но он всё равно опасен.

— Месяц, — повторил Максим. — Значит, у нас месяц, чтобы его найти и обезвредить.

— У нас? — Влада улыбнулась. — Ты правда хочешь помочь мне?

— Я хочу, чтобы меня не посадили за то, что я переспал не с той девушкой, — честно ответил Максим. — И чтобы мою дочь не тронули.

— У тебя есть дочь? — оживилась Влада.

— Есть. Алиса, четырнадцать лет. Живёт с матерью, на выходных частенько гостит у меня. И если этот твой Радмир узнает о ней

— Я не дам никому тронуть твоего детёныша, — сказала она тихо. — Клянусь Великой Луной. Если они придут — сначала убьют меня. Потом тебя. А дочь не тронут. У нас правило — не трогать щенков.

— Утешила, — хмыкнул Максим. — Значит, сначала ты, потом я?

— Я не дам им убить тебя, — поправилась Влада. — Мы же связаны. Ты умрёшь — я тоже. Я умру — ты останешься, но будешь страдать. Сильней, чем сейчас.

— Откуда ты знаешь, как я страдаю сейчас?

— Чувствую. — Влада коснулась его груди. — Здесь темно и холодно. Ты давно никого не пускаешь и уже позабыл, каково это — быть не одному.

Максим потёр переносицу. Голова прошла, но на смену боли пришла тяжесть в затылке, как предчувствие скорых проблем. Телефон звякнул. Сообщение от Пашки: «Макс, ты где? Я на выезде, труп в парке. Какой-то бомж. В хлам разодран. Возможно, снова собаки».

— Ладно, — подвёл он черту. — Первое: я сейчас еду в отделение. Ты сидишь здесь и носа не кажешь наружу

— Нет! — излишне резко перебила Влада. — Я с тобой. Нам нельзя разделяться! К тому же моя метка подскажет, если Радмир окажется рядом. Один ты с ним не справишься. Ты ведь даже не знаешь, как пахнет опасность.

Максим задумался. Спорить с неадекватышем ему не хотелось. К тому же в отделе можно было попробовать пробить её прошлое. Вдруг фото Влады всплывёт в заявлениях о пропавших без вести.

— Окей, собирайся. Выходим через десять минут.

Глава 2. Протокол для беглянки

Максим вырулил со двора, привычно бросив взгляд в зеркало заднего вида. Подъездная дверь, облезлые тополя, бабки на скамейке Привычная картина. Вот только рядом сидела девушка с серебряными волосами и трогала подлокотник торпеды так, будто тот сделан из чистого золота.

— Тёплый, — прокомментировала Влада, проведя пальцем по пластику. — У вас всё такое гладкое. Но без души.

— Это машина, — Максим перестроился в правый ряд, краем глаза следя за дорогой. — У неё нет души, только двигатель и колёса.

— Всё равно тёплый, — упрямо повторила девушка, наклонилась и понюхала воздуховод. — Здесь дышит ветер. Вы его приручили?

— Это климат-контроль. — Максим потянулся к регулятору, чтобы убавить обороты, случайно задев её руку. Метка на плече тут же отозвалась коротким, обжигающим импульсом, от которого по позвоночнику пробежала лёгкая дрожь. — Управляет температурой в салоне. Крутишь ручку, получаешь тепло или холод. Без магии.

Влада склонила голову, разглядывая кнопки с таким видом, с каким Максим обычно разглядывал улики.

— Удивительно, — выдохнула Влада. — У нас бы за такое сожгли, обвинив в том, что украл силу стихий и запер их в железную банку.

— Рад, что ты не из инквизиции.

Влада шутку явно не оценила, но улыбнулась. Осторожно, будто пробуя новое блюдо на вкус. Максим снова поймал себя на том, что боковым зрением любит её профилем. Точно очерченные скулы, длинная шея, родинка за ухом, которую он вчера целовал в алкогольном угаре.

Светофор замигал жёлтым. Максим резко затормозил, и Влада вцепилась в торпеду.

— Что случилось? Почему стали?

— Светофор. Регулирует движение, чтобы машины не сталкивались. Красный — стой, зелёный — езжай.

— А если кто-то не подчиняется?

— Нарушит правила. Получит штраф. Или попадает в аварию.

Влада продолжила удивлённо вертеть головой, и Макс заметил, как девушка напрягается каждый раз, когда сзади приближалась другая машина. Особенно когда с правого ряда вынырнул чёрный джип и, моргнув поворотником, вклинился перед ними.

— Кто это? — глухо спросила Влада, вжавшись в кресло.

— Водитель, которому нужно быстрее, чем нам. — Максим сбросил скорость, восстанавливая дистанцию. — У нас таких называют «олениями».

— Плохой запах, — она шумно втянула воздух, хотя окна были закрыты. — Агрессия. Страх опоздать. И масло? Горелое масло.

— Тормознули, вот и запахло. Это запах от дисков.

— Живёте среди запаха смерти, металла и сами этого не замечаете?

— Привыкли, — ответил он коротко. — Люди ко всему привыкают.

— А звери — нет, — возразила Влада. — Зверь всегда чувствует опасность. Иначе не выживет.

— А ты кто сейчас? Зверь или человек?

Она задумалась. Вопрос явно застал Владу врасплох.

— Я та, кто нужно, чтобы выжить, — ответила она наконец. — Сейчас человек. Потому что здесь люди. Но если придёт Радмир — Влада сжалась. Максим физически ощутил спазм где-то под ложечкой, и метка дёрнулась, нагрев кожу. — Придётся стать зверем.

— Только умоляю тебя, не в машине, — не скрывая сарказма, буркнул Ветров, пытаясь сбросить наваждение. — Здесь тесно.

Влада хмыкнула:

— В машине как раз можно. Волки любят тесные норы. Там теплее и безопаснее.

Максим представил себе эту картину и решил, что педалировать тему не стоит. Впереди показалось здание отдела. Серая пятиэтажка с облупившейся штукатуркой, тонированными стёклами и шлагбаумом на въезде.

— Приехали, — сказал он, сворачивая к воротам. — Дальше будет много новых запахов, громких звуков и странных людей. Держись рядом и ничего не трогай. Вообще ничего. Поняла?

— Поняла, — Влада выпрямилась. — А если спросят?

— Отвечать буду я. Ты просто молчи и делай вид, что тебе очень плохо. Это нетрудно, судя по твоему бледному лицу.

— Нормальное у меня лицо, — обиделась она.

— У тебя лицо человека, который впервые увидел туалетную бумагу и не врубается, что с ней делать. Так что поверь мне, лучше молчи.

Влада хотела возразить, но Максим уже вышел из машины, громко хлопнув дверью.

Парковка за зданием отдела выглядела привычно. Служебные «Приоры», пара потрёпанных иномарок, серый «УАЗик» и сломанный шлагбаум, который подпирали кирпичом, чтобы тот окончательно не завалился. Максим, ожидая, когда Влада закончит возиться с ремнём, потянулся к телефону. Экран пожаловался на уровень заряда: два процента. Ну супер! Как всегда — в самый неподходящий момент. Опер выругался сквозь зубы, сунув полумёртвый аппарат в карман, и повернулся к выбравшейся девушке.

— Телефон сдох. Без связи сейчас как без рук.

— Телефон — повторила она. — Это та штука, по которой ты говорил с другими на расстоянии?

— Ага. Передаёт голос и текст.

— Как амулеты связи, только без магии, — Влада с уважением посмотрела на карман джинсов Макса. — У нас подобное было только у древних. Легенды говорят, что раньше магия уходила в камни, и те говорили. Потом магия кончилась, и камни навсегда замолчали. А ваши нашли другой источник.

— Электричество, — напомнил Максим. — Запоминай, ты потеряла память после нападения. Документов нет. Ничего не помнишь, кроме имени. Фамилия-то имеется?

— Влада. Вернее, Владана Волкова.

— Волкова? Это хорошо, — хмыкнул он. — Хотя бы это не выбивается из легенды. Ладно, пошли.

Здание отдела нависало серой громадой. Влада задрала голову, разглядывая решётки на окнах, антенну на крыше и обшарпанную табличку у входа.

— Каменный улей, — выдохнула она. — Много запахов. Ещё больше злости и страха. Здесь люди боятся.

— Это ж полиция, — Максим взял девушку под локоть. Метка снова дёрнулась, но Ветров её проигнорировал. — Сюда приходят те, у кого проблемы, а мы те, кто эти проблемы решает. Естественно, все нервничают.

— Так ты — Влада повернулась к Максиму, заглядывая в глаза. — Здесь свой? Твой запах не боится. Он только уставший.

— Я всегда уставший. Пошли.

У входа на скамейке курил дежурный. Молодой сержант по имени Костик, которого Максим помнил ещё стажёром. Увидев начальство, тот торопливо затушил сигарету и вскочил.

— Товарищ капитан! А чего вы в такую рань? Хотя и Павел Николаевич уже забегал. Ржал Сказал — Костик запнулся, увидев Владу. — Ветров нашёл себе девушку космос. Я не понял, а остальные

— Савельев слишком много болтает, — оборвал Макс. — Ключ от нашего кабинета в дежурке?

— Так точно. Сейчас принесу.

Костик умчался, а Максим чувствовал, как пальцы Влады впились в его рукав. Она стояла неподвижно, с закрытыми глазами и мелко дрожала.

— Эй, — опер тронул девушку за плечо. — Ты чего?

— Запах, — выдохнула Влада, не открывая глаз. — Чёрный камень, старая кровь. Здесь был кто-то из стаи. Не Радмир. Запах другой, слабее, но тот же камень. Здесь, неподалёку от входа. Сегодня ночью.

Максим похолодел. Не от слов, а от того, как она это сказала. Без истерики и без попыток привлечь внимание. Просто констатировала факт, как врач ставит диагноз.

— Не начинай, — процедил Макс сквозь зубы. — Мы в отделе полиции. Здесь как в метро, куча народу проходит. Любой мог оставить запах.

— Нет, — Влада открыла глаза, в которых снова плясали серебристые искры. — Этот запах не отсюда. Он пришёл извне. Свежий.

Максим мысленно выругался. Только осеннего обострения ему не хватало. Но галочку в подсознании поставил. На всякий случай, по привычке опера не отметить ни одной версии.

— Внутрь заходил?

— Нет. Только снаружи. Ждал. — Влада снова повела носом, принюхиваясь. — Потом ушёл на запад.

— Ладно. — Максим подтолкнул девушку к двери. — Забудь. Главное, внутри никого не нюхай, не дёргайся и не пугай. Просто иди рядом.

— Я постараюсь.

— Стараться дома будешь. Сейчас, услышав приказ, выполняешь.

Влада кивнула. По тому, как напряглись плечи девушки, Ветров понял, она осталась в режиме боеготовности. Чёрт, ну и втянул же его Пашка в историю.

В отделе оказалось довольно шумно, несмотря на утро. Гремели чашки в комнате отдыха, в дежурке надрывался телефон, и кто-то громко спорил в коридоре. Пахло кофе, табаком и озоном от ксерокса. Максим привычно лавировал между людьми, таща Владу за собой на буксире. Та шла послушно, но Максим спиной чувствовал, как девушка вертит головой, втягивая запахи, оглядывая углы и провожая подозрительным взглядом каждого встречного. В служебном коридоре наткнулись на Лосева, старшего оперуполномоченного, имеющего дурную привычку совать нос, куда не следует.

— Ветер! — Лосев расплылся в улыбке, разглядывая Владу. — А мне Пашка говорил, да я не поверил. Ты ж после развода вообще на женщин смотреть отказывался. А тут прям десять из десяти. И где же такие ягодки водятся?

— В лесу, — буркнул Максим. — Лось, ты по делу или как?

— Девушка, а вы актриса или модель? — ответил Лосев, не отводя похотливого взгляда от красоти.

Влада посмотрела на мужчину в упор, и Максим мысленно приготовился к худшему.

— Я ветеринар. Животных лечу. У вас, кстати, проблемы с желудком. Ешьте поменьше жареного и не нервничайте. Да и почки шалят. По утрам, скорее всего, поясницу тянет. Пейте чистую воду, а не этот ваш алкоголь.

Лосев открыл рот, а Максим с трудом подавил усмешку.

— Она великолепный диагност, — сказал он, пряча Владу за спиной. — Бывай, Лось.

— Откуда ты знаешь про желудок? — изумлённо спросил опер, став моментально серьёзным.

— Кислым пахнет. Запах болезни. У нас, ветеринаров, нюх — первый инструмент. Зверь не скажет, где болит, а вот запах подскажет. У людей то же самое, просто они всё скрывают.

Максим поспешно свернул в коридор, избегая дальнейших расспросов. Влада замедлила шаг возле двери с табличкой «Криминалистическая лаборатория».

— Там кровь, — сказала она тихо. — Мёртвая кровь, старая и железо. Много железа.

— Там хранят орудия преступления, — пояснил Максим. — Ножи всякие, кастеты. Кровь смывают, но запах остаётся.

— Как и у нас после битв, — кивнула Влада. — Только у нас мёртвую кровь в землю закапывают, чтобы духи успокоились, а вы храните

— На всякий случай. Вдруг пригодится.

— Странные вы, — вздохнула она.

В конце коридора стояла кофемашина. Старая, дребезжащая, но живучая на удивление всех сотрудников. Капитан Ковалёв как раз нажал кнопку старта, и аппарат со свистом выпустил пар. Влада дёрнулась так, что врезалась в Ветрова спиной.

— Тише ты, — Максим придержал девушку за плечи. — Это кофеварка. Греет воду и варит кофе.

Влада смотрела на шипящий агрегат круглыми глазами.

— Оно же дышит, — выдохнула она. — И этот пар Как у живого.

— Внутри нагревательный элемент, — поправил Ковалёв, оборачиваясь. — О, Макс, привет. А кто это с тобой? Наша?

— Предположительно потерпевшая, — отрезал Ветров. — У неё стресс после нападения, да и в участке впервые. Вот и чудит

— Заметно, что в первый. — Ковалёв хмыкнул, разглядывая Владу. — Девушка, хотите кофе? У нас он хороший, зерновой.

— Что такое кофе? — спросила Влада, не отрывая взгляда от аппарата.

— Ну напиток такой. Горький, но бодрит.

— Зачем пить горькое, чтобы бодриться?

— Чтобы не заснуть на посту, — объяснил Максим раньше, чем Ковалёв открыл рот. — Многие так делают.

— У нас так делают лишь на охоте, — задумчиво сказала Влада. — Пьют настойку полыни, чтобы зверь внутри не уснул. Тоже горькая.

Ковалёв перевёл удивлённый взгляд с девушки на Максима.

— Она что того? — капитан покрутил пальцем у виска.

— Нервы, стресс, — Максим взял Владу за локоть (метка тут же полыхнула жаром) и потащил к кабинету. — Отдохнуть бы ей надо. В отпуск. На год. В другую страну.

— А как же кофе? — крикнул вдогонку Ковалёв.

— Сам выпьешь! — бросил Ветров, не оборачиваясь.

Максим чувствовал, что нервы у девушки натянуты словно струна. Он готов был поклясться, что даже слышит звон этих струн. Метка передавала её состояние лучше любых слов.

— Сюда, — Ветров втолкнул Владу в свой кабинет и захлопнул дверь. — Всё. Ты в безопасности. Здесь только я и ты, и никаких чужих запахов. Кроме моего, Пашки и — Он принюхался. — Уборщица, видимо, заходила, или начальство.

Влада шумно выдохнула и сползла по стене на пол, прямо у двери. Максим смотрел на неё сверху, чувствуя, как внутри закипает странная смесь злости и жалости. Злости — потому

что его втянули в какую-то чертовщину. Жалости — потому что девушка реально боялась. Не играла и не притворялась. Боялась каждой клеткой своего офигительного тела.

— Вставай, — сказал он мягче, чем собирался. — На полу холодно.

— Здесь точно безопасно? — спросила она, поднимая глаза, в серебре которых плескалась такая надежда, что у Максима сжалось сердце.

— Здесь отделение полиции и куча народу с оружием. Если кто сунется — пожалеет.

— Он соваться не будет, — Влада позволила себя поднять. — Будет ждать. Он всегда ждёт. Радмир никогда не нападает в лоб. Окружает, отрезает пути отхода, потом давит. Медленно. Чтобы жертва сама сдалась.

— Я не жертва, — отрезал Максим. — И ты не она. Уяснила?

Влада посмотрела на Ветрова долгим взглядом. Потом кивнула.

— Уяснила.

— Вот и хорошо. Садись за стол. Будем оформлять твои сказки.

Кабинет Максима был маленьким, завален бумагами и пах так, как пахнут все кабинеты оперативников. Табаком, остывшим кофе, типографской краской и потом подозреваемых, вьёвшимся в старые стулья. На стене карта города, истыканная флажками. На подоконнике — засохший кактус, который Максим поливал, дай бог, пару раз в месяц. На столе, рядом с монитором фотография Алисы, четырнадцатилетней девчонки с отцовским прищуром и маминой улыбкой.

Влада уставилась на фото.

— Твой щенок? — спросила она осторожно.

Максим, подавившись, наткнулся на взгляд, в котором не было ничего, кроме любопытства и нежности? К Алисе? К нему? Чёрт разберёт эти бабьи штучки.

— Не лезь, — ответил он коротко. — Моя семья не тема для разговоров.

— Прости. — Влада отвела глаза. — У нас щенков тоже не обсуждают с чужими. Я понимаю.

— Вот и славно. — Ветров уселся за стол и включил компьютер. Древний аппарат загудел, словно трактор на лютом морозе. — Садись. Буду задавать вопросы.

Влада послушно опустилась на стул для посетителей, сложив руки на коленях. Максим мельком отметил. Сидит ровно, не сутулится, но готова вскочить в любую секунду.

— Фамилия, имя, отчество?

— Волкова Владана. Не понимаю, что значит отчество. У нас только имя и клан.

— Значит, запишем Владана — Максим застучал по клавишам. — А по отцу как?

— Не ведаю. Мать говорила: волк из дальних земель. Погиб, когда я была совсем маленькой.

— Понятно. — Он вбил прочерк. — Дата рождения?

— Двадцать третье число месяца Белой Луны.

— Сколько лет?

— Двадцать шесть.

Максим удивлённо поднял бровь.

— Выглядишь гораздо моложе.

—оборотни стареют медленно, — объяснила Влада. — К тридцати у нас только начало зрелости. К пятидесяти — расцвет сил. А после ста резко ну, ты понимаешь.

— Ничего я не понимаю, — буркнул Максим. — Место рождения?

— Клан Серых Волков, Северные земли. Если по-вашему — Девушка нахмурилась, разглядывая карту города. — Не знаю. Леса. Много лесов. Горы на горизонте. Деревни по рекам.

— Адрес проживания?

— Тропа Волчьей Кости. Дом у старого дуба.

Максим откинулся на спинку кресла и посмотрел на девушку долгим взглядом.

— Издеваешься?

— Нет. — Влада смотрела честно, без тени улыбки. — У нас нет улиц или номеров. Есть тропы, камни-метки и старые деревья. Каждый охотник знает, где чей дом.

— А если чужой забредёт?

— Либо убьют, либо в клан примут. Третьего не дано.

Максим потёр переносицу. Голова начинала болеть с новой силой. Он посмотрел на экран, где в графе «адрес» красовался прочерк, и понял, что его затея — полный бред. Но отступать было поздно.

— Ладно, — сказал он наконец. — Проверим твою личность по-своему.

Он развернулся к компьютеру и начал пробивать девушку по базам. ФИО без «О» — ноль совпадений. Возраст — с десятков похожих, но всё с паспортами, пропиской, историей. Да и фото не совпадало. Пропавшие без вести? Ни одного подходящего случая за последние пять лет. Поиск по особым приметам — шрамы на запястьях? В базах такой функции не предусмотрено.

— Нет тебя, — констатировал Максим спустя двадцать минут. — Вообще. Ни в одной базе данных.

— Так я же тебе говорила, — Влада не выглядела удивлённой. — Что не из вашего мира.

— Или просто ещё ни разу не засветилась!

— Или так.

Влада не спорила и не доказывала. Просто смотрела, как опер кликает мышкой, открывая всё новые окна. От этого спокойствия Максиму становилось не по себе. Компьютер гудел. За окном начал моросить дождь.

— А что такое «база данных»? — вдруг спросила Влада.

— Хранилище информации. — Максим кивнул на монитор. — Память, если хочешь. Тут всё про всех: кто родился, кто женился, кто преступление совершил. Компьютер помнит такие штуки куда лучше людей.

— Да он пострашнее Альфы, — иронично выдохнула Влада.

— Ближе к правде, чем тебе кажется, — усмехнулся Максим.

Ветров закрыл базу и повернулся к Владе. Внутри всё ещё klokотало раздражение, сквозь которое проступало что-то иное. То самое тепло под рёбрами, которое появилось утром и упорно не желающее уходить.

— Посиди здесь, — приказал Макс. — Я схожу, узнаю насчёт дактилоскопии. Пальчики твои снимем, для проформы. Потом уж решим, что дальше делать.

— Пальчики? — Влада насторожилась. — Это как у нас ведьмам прижигают?

— Наверно Только без боли и магии.

— А зачем?

— Чтобы знать, что ты — это ты. У каждого человека на пальцах уникальный рисунок. Как запах, только для глаз.

Влада задумалась, потом кивнула.

— Хорошо. Я согласна. Только — Она замялась. — Можно, ты рядом побудешь? Когда будут снимать?

— Боишься?

— Не люблю, когда чужие ко мне прикасаются.

Максим вздохнул. Метка на плече предательски потеплела.

— Ладно. Вместе пойдём. Но, если начнёшь нюхать криминалиста или ставить диагнозы, выгоню в коридор. Поняла?

— Поняла, — улыбнулась Влада.

Кабинет криминалиста находился сразу за лабораторией. Максим толкнул дверь и впустил Владу внутрь, нависая сзади словно скала. Помещение было заставлено стеллажами с

коробками, папками и оборудованием, назначения которого Влада, слава богам, не стала спрашивать. За столом, уткнувшись в микроскоп, сидел Сашка. Криминалист. Молодой парень с вечно взлохмаченной причёской и руками, которые, как шутили в отделе, ощупали каждый труп за последние пять лет.

— Макс, — Сашка поднял голову и протёр глаза. — Ты чего? У меня тут дело срочное, в парке труп обнаружили. Пашка твой на место уехал, а мне теперь

— После, — перебил Максим. — Сними по-бырому отпечатки с потерпевшей. Может, база что-то выдаст.

Сашка перевёл взгляд на Владу и замер. Максим видел, как в глазах молодого криминалиста проскользнуло сначала профессиональное любопытство, потом тестостероновое, потом снова профессиональное.

— Интересно печень пляшет. — Сашка встал и подошёл к столику с принадлежностями. — Раздевайтесь, девушка. Пальчики будем снимать.

Влада напряглась так, что Максим это физически ощутил. Метка полыхнула жаром, припекая кожу.

— Раздеваться? — переспросила она глухо.

— Да шучу я, — Сашка хмыкнул, доставая валик и чёрную краску. — Примета у нас такая. Чтоб клиент расслабился. Хотя они у меня и без этого не живчики. Садитесь вон туда, руки на стол.

Влада послушно опустила руку на табурет, но по глазам девушки было видно: она в режиме «опасность». Максим шагнул ближе, положил руку ей на плечо. Метка откликнулась благодатным теплом, когда он пояснил:

— Это простая краска. Сашок испачкает тебе пальцы, прижмёт к бумаге — и всё. Никакой боли. Обычная процедура.

— У нас так делают только тем, в ком сомневаются, — тихо ответила Влада. — Ведьмам, предателям и чужакам. Это знак недоверия.

— У нас это признак того, что ты существуешь, — поправил Максим. — И что тебя можно найти, если вдруг потеряешься.

Влада задумалась, перебарывая, потом медленно кивнула и положила руки на стол. Ладонями вниз. Сашка хмыкнул и перевернул:

— Так удобней. Пальцы, девушка, пальцы. Ладони потом, если только сами попросите.

Криминалист взял правую руку девушки и начал аккуратно прокатывать валиком подушечки пальцев. Влада сидела неподвижно, только ноздри слегка подрагивали, втягивая резкий запах. Максим видел, как она рассматривает Сашкины руки. Длинные пальцы, чистые ногти, никаких мозолей, только въевшаяся в кожу графитовая пыль и запах реактивов.

— Ты много волновался сегодня, — вдруг произнесла Влада, не отрывая взгляда от процесса. — Желудок злой. Ешь на бегу и куришь много.

Сашка замер.

— Викторович, где ты её нашёл? — спросил криминалист, не оборачиваясь. — Она что, экстрасенс?

— Она врач, — отрезал Максим. — Ветеринар. Не вникай.

— Ветеринар? — Сашка продолжил прокатывать пальцы, но теперь смотрел на Владу с профессиональным интересом. — А я-то думаю, чего это у ветеринара руки в шрамах? Звери кусали?

— В точку, — спокойно ответила Влада.

Сашка открыл рот, чтобы спросить ещё что-то, но Макс перебил:

— Работай давай.

Когда дело дошло до левой руки, Влада неожиданно расслабилась. Максим догадался почему. Она уже уловила, что боли не будет. Что краска пахнет химией, а не кровью и что этот

лохматый парень с вьедливыми глазами не враг. Но когда Сашка коснулся другого запястья, Влада дёрнулась.

Готовые карточки с отпечатками Сашка положил сушиться на специальную подставку.

— Через десять минут будут готовы. Пробить по базе?

— Обязательно, — кивнул Максим. — И по без вести пропавшим тоже.

— А она что, пропавшая? — Сашка покосился на Владу, которая рассматривала свои чёрные пальцы с любопытством ребёнка.

— Пока не знаем. Потому и нужно пробить.

Влада поднесла пальцы к носу и понюхала:

— Пахнет железом и травой? Сухой травой?

— Реактивы, — пояснил Сашка. — Коже не навредит. Смывается водой с мылом.

— У нас для снятия меток используют кровь и золу, — задумчиво сказала Влада. — А вы водой. Удивительно.

— Меток? — переспросил Сашка, но Максим уже тащил Владу к выходу.

— Спасибо, Саш. Я позже зайду

— Макс, — окликнул его криминалист уже в дверях. — Ты это осторожней с ней. Видно же — бита жизнью.

В коридоре Влада остановилась и подняла на Максима глаза.

— А он хороший, — сказала она. — Этот, с краской. Руки добрые и мёртвых не боится.

— Откуда знаешь?

— Пахнет смертью. Старой, привычной. Как у наших старейшин, которые ушедших провожают. Он работает с мёртвыми, да?

— Криминалист много что делает, — подтвердил Максим. — В том числе и трупы исследует, чтобы понять, отчего умерли.

— Уважаемый человек, — кивнула Влада. — У нас таких шаманами кличут. Только шаманы духов спрашивают, а этот железом смотрит?

— Микроскопом. И реактивами.

— Та же магия, — уверенно сказала Влада. — Просто зовётся иначе.

Максим спорить не стал. В конце концов, для него самого работа Сашки всегда была чем-то на грани мистики. Добыть информацию из куска плоти или капли крови Может, Влада права. Может, любая наука — просто магия, которую объяснили.

Они вернулись в его кабинет. Влада села на стул, рассматривая чёрные пальцы, а Максим устался в монитор, ожидая, когда загрузятся данные по отпечаткам.

— Максим, — тихо позвала Влада. — Спасибо. Что был рядом.

— Это было в моих интересах, — ответил он, не оборачиваясь. — Чтобы ты не устроила цирк.

— Врёшь, — девушка покачала головой. — Ты чувствовал, что мне страшно. Метка сказала.

Через час в кабинет ворвался дежурный и сообщил, что вызывает начальник. Максим оставил Владу смотреть в окно (та уставилась на дождь так, будто видела его впервые) и пошёл на ковёр.

Подполковник Громов листал какие-то бумаги в своём кабинете. Увидев Максима, он отложил их в сторону и снял очки в толстой оправе.

— Ветров, садись. — Максим сел. — Что за девушку приволок? Половина отдела уже слюни пускает!

— Потерпевшая, — ровно ответил Максим. — Нашёл в лесу, рядом с местом, где утром обнаружил труп лося. Без документов, с потерей памяти и в странной одежде. Проверяем.

— Без памяти? — Громов прищурился. — Совсем?

— Частично. Имя помнит, возраст, профессию. Где живёт — нет. Как оказалась в лесу — не знает.

— Отпечатки снял?

— Уже.

— И?

— Ни шиша. В базах ничего.

Громов потёр переносицу. Максим знал этот жест — сейчас последует неприятный разговор или просьба.

— Ветров, ты же опер со стажем. Объясни мне, как взрослому: что ты собираешься с ней делать? В психушку сдавай!

— Как вариант. — Максим промолчал. — Но только если у неё действительно амнезия, её таблетками так накачают, что мы не узнаем, кто она и откуда. А если она ещё и жертва насилия — станет только хуже.

Громов внимательно посмотрел на подчинённого.

— Ты уже жалеешь её, Ветров? За пару часов знакомства?

— Я проверяю все версии, — жёстко ответил Максим. — А для проверки к девушке нужен доступ. В психушке такого доступа не будет.

— И что предлагаешь?

— Возьму на себя, пообщаюсь, покручу по материалам, пока память не вернётся. А не вернётся, тогда и решим.

— Ты понимаешь, что это нарушение? — Громов нахмурился. — Что скажет прокуратура, если узнает?

— А кто им сообщит, товарищ подполковник? — Максим усмехнулся. — Официально относительно Волковой заявлений нет. У нас труп в парке, Пашка на выезде, отдел на ушах. Никому дела нет до потеряшки без документов. А если она преступница — сам повяжу. Поживёт у меня, под присмотром. Она сама на этом настаивает.

Громов долго молчал, барабанил пальцами по столу. Потом махнул рукой.

— Делай как знаешь. Но если что, я этого не слышал, и ты у меня не был. Усёк?

— Так точно.

Максим вылетел из кабинета и облегчённо выдохнул. Вранья было много, но и выбора не оставалось. Почему он так вцепился в эту девчонку? Из-за метки? Или из-за того, что та смотрела на Ветрова как на единственное спасение? Скорее всего потому, что за годы работы в полиции научился отличать правду от лжи. В глазах Влады правды было гораздо больше, чем во всех показаниях, которые он записал за весь срок службы.

Девушка сидела всё там же, у окна. Дождь стекал по стеклу мутными струйками, и она провожала взглядом каждую каплю. Максим подошёл и встал рядом. За стеклом серой массой расплывался двор, мокрые машины и люди под зонтиками.

— Останешься у меня, — сказал он коротко. — До выяснения личности.

Влада повернулась. В её глазах плескалось столько надежды, что Максиму стало не по себе:

— Правда? Ты меня не отдашь?

— Не путай понятия. — Ветров отступил на шаг. — Я тебя проверять буду. Если твои сказки не подтвердятся — лично в психушку сдам. Поняла?

— Поняла, — выдохнула Влада. — Спасибо.

— Спасибо скажешь, когда разберёмся. Садись. Надо твои показания оформить официально. Потом домой.

— Домой, — повторила Влада, словно пробуя слово на вкус. — К тебе?

— Да.

Девушка улыбнулась. Светло, открыто, как ребёнок, которому пообещали праздник. Максим в очередной раз поймал себя на мысли, что эта женщина — сплошная катастрофа. Но катастрофа, от которой не хочется убежать.

В подъезде, к счастью, никого не оказалось. Зинаида Петровна либо дрыхла после обеда, либо бдела за нравственностью соседей у другого подъезда. В любом случае до восьмого этажа добрались без происшествий. Максим открыл дверь, впустил Владу и включил свет. Она, оставившись на пороге, снова втянула носом воздух и закрыла глаза.

— Хватит нюхать мою квартиру, — буркнул Максим, уже без злости. — Раздевайся и проходи. Чай будешь?

— С травами? — Влада вдруг оживилась. — Буду.

Пока Макс возился на кухне, выискивая в закромах более или менее чистую кружку, Влада осматривала электрический чайник.

— Там вода сама греется?

— Сама. Включаешь — греет.

— Дух огня в железном кувшине, — заключила Влада, усаживаясь за стол. — Вы держите стихии в плену и заставляете на себя работать При этом отрицаете магию как таковую.

— Мы духов не держим. Используем только законы физики.

— Что такое физика?

— Наука. Объясняет, почему вода греется, почему предметы падают и почему свет горит.

— Удобно, — Влада взяла кружку, понюхала и настороженно отхлебнула. — Горячо и горько. Но пахнет травами. Что это?

— Чёрный чай. Индийский.

Влада вдруг отставила кружку и посмотрела на Максима в упор. Взгляд у девушки стал тяжёлый, без тени наивности, с которой она разглядывала чайник.

— Я же чувствую Ты хочешь докопаться до правды, — вдруг сказала она. — Могу рассказать. Но ты должен пообещать, что выслушаешь до конца. Даже если тебе всё покажется бредом.

— Обещать не могу, — честно ответил Максим. — Но послушаю.

Влада кивнула, собираясь с мыслями, и начала:

— Мой мир называется Терра Люпус. Земля Волков. Мы не единственные разумные, но на нашем континенте нас больше всего. Живём кланами. У нас есть вожди — альфы. Есть законы, территории и магия. Она течёт в земле, воде, воздухе и в нас.

Девушка говорила спокойно, будто читала лекцию:

— Мой клан — Серые Волки. Живём в Северных землях, у подножия Каменного хребта. Там холодно, мало дичи, но есть магические источники. Озёра, где вода светится по ночам, и камни, которые помнят древних. Мы берегли их, потому что без магии клан слабеет.

— А Радмир?

— Радмир возглавляет клан Чёрных Скал. Они живут южнее, земли у них богаче, да и магии больше. Но они жадные. Им всегда мало. Пять лет назад клан напал на нас. Не в открытую, исподтишка. Подкупили кое-кого, ослабили охрану и отравили воду в источнике. Мы проиграли эту войну за неделю.

Влада сцепила пальцы в замок. Максим заметил, как побелели костяшки.

— Мой приёмный отец, вождь, хотел сражаться с врагом до конца. Но старейшины предсказали: если не сдадимся, Чёрные Скалы вырежут всех Самок, щенков, стариков Радмир предложил мир, ценою которого была я.

— Почему именно ты?

— Я не просто дочь вождя. В моих венах древняя кровь. Прапрабабка была ведьмой. Настоящей С даром. У нас это редкость. Такие женщины рожают сильных щенков. Если взять их в пару, то магия переходит в новый род. Радмиру нужна была не я, а моя кровь.

— И ты согласилась?

— А кто меня спрашивал? — горько усмехнулась Влада. — Отдали как вещь и сказали: «Спасай клан». Я и пошла. Чёрные Скалы убили бы всех, а так — я одна попала в его клетку.

— В прямом смысле?

— Почти. Каждый день я просыпалась и думала: «Сегодня он убьёт кого-то из клана, если я сделаю что-то не так». Каждый вечер он проверял мой запах, нет ли на мне чужого следа. Если я разговаривала с мужчиной, даже со старым лекарем, он зверел. Говорил, что я его собственность и должна пахнуть только Альфой.

— А лечить? Ты же ветеринар.

— Запрещал. Говорил: «Лечи только меня. Я твой единственный клиент». — Влада усмехнулась, но в глазах стояла боль. — Я его ненавидела и боялась. Но даже это чувство он контролировал. Говорил, что страх — одна из граней любви. Что звери не могут любить иначе. Что я должна благодарить его за то, что он выбрал меня.

Максим молчал. Историй про домашнее насилие он наслушался за годы работы — с вагон и маленькую тележку. Но это было что-то другое. Системное и холодное. Рассчитанное на годы вперёд.

— Сколько ты пробыла пленницей?

— Пять лет. — Влада подняла глаза. — Пять лет я ждала шанса и дождалась. Кровавая луна, соединение двух лун, равноденствие Но, одной магии мало — нужен был выброс энергии. Сильные эмоции: ярость, отчаяние, страх У меня всего этого было в избытке.

— И ты?

— Я попыталась сбежать, но Радмир пришёл в ярость. Он решил запереть меня в подземелье, чтобы я никогда больше не увидела лунного света. Тогда я «взорвалась». Взорвалась всей своей яростью, страхом и ненавистью, а портал он открылся.

Влада замолчала, глядя в кружку. Максим разглядывал тонкие пальцы, сжимающие керамику.

— А я? — спросил он девушку тихо. — Как я в это вписался?

— Ты случайность. — Она подняла глаза. — Или судьба. Я выпала из портала неподалёку от того клуба. Была слаба, но словно пьяная от свободы. Ничего не соображала. Спряталась там, потому что было тепло и можно было затеряться в толпе. Села в углу, пыталась понять, куда попала. Потом увидела тебя

— И?

— Метка сработала. — Влада коснулась груди. — Я даже не поняла сразу Просто почувствовала: вот тот, кто нужен. Истинная пара.

Максим вспоминал вчерашний вечер. Свою злость на Пашку, на бывшую, на дурацкую жизнь и взгляд, который выцепил его из толпы.

— Я тоже это почувствовал, — признался он нехотя. — Когда увидел тебя. Будто током ударило.

— Это метка подала знак, — кивнула Влада. — Она всегда так. Сначала притяжение, потом связь, затем уже не отпустит.

— И что теперь? — Максим потёр плечо, где жгло не переставая. — Эта штука всегда будет гореть?

— Не всегда. Когда мы рядом — сильнее. Когда далеко — слабее, но всё равно будет чувствоваться и потребует подпитки.

— Какой ещё подпитки?

Покрасневшая Влада отвела взгляд. Впервые за разговор она смутилась.

— Близости. Физической. Не сразу, но чем дольше мы без неё, тем сильнее будет тянуть. Это как голод. Или жажда. Игнорировать можно, но будет больно.

— То есть, — Максим медленно переваривал информацию, — Мы теперь обречены спать вместе? Чтобы не болело?

— Не обречены, — тихо ответила Влада. — Можем и потерпеть. Некоторые пары терпят годами, если не захотят. Но метка будет напоминать. Постоянно!

Максим выругался. Длинно, витиевато, используя лексикон, от которого покраснели бы даже бывалые уголовники. Он встал, прошёлся по кухне и остановился у окна. За стеклом продолжал моросить дождь. Фонари отражались в лужах жёлтыми пятнами. Обычный вечер в обычном городе.

— А если я не хочу? — спросил он не оборачиваясь. — Если я не согласен на эту твою связь?

— Метка не спрашивает, — вздохнула Влада. — Она просто есть. Хочешь ты или нет. Но — девушка помолчала. — Я не буду навязываться. Если решишь избавиться от меня — уйду. Найду способ выжить.

«Чёрт, чёрт, чёрт».

Максим провёл рукой по лицу, чувствуя, как под пальцами натягивается кожа. Спать хотелось невероятно, и голова раскалывалась, а тут такое.

— Ладно, — сказал он наконец. — Поживёшь пока здесь. Но если узнаю, что ты врёшь

— Не вру, — перебила Влада. — Клянусь луной.

— Луной не надо.

Влада кивнула и улыбнулась устало, благодарно и чуть виновато. От этой улыбки у Максима снова что-то ёкнуло под рёбрами.

— Спать где будешь? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Где скажешь.

— В зале диван раскладной. — Он помялся. — Ванная там, полотенца в шкафу. Вода горячая есть, но осторожно — кран тугой.

— Спасибо, — тихо сказала Влада. — Ты, правда не такой, как все.

— Такой. А может даже хуже. Просто устал очень.

Влада понимающе кивнула. В этом кивке было столько принятия и тепла, что Максим понял: он пропал. Совсем. Безнадёжно. Ветров застелил диван и выдал Владе чистое полотенце со своей старой футболкой вместо ночнушки. Домашние шмотки дочери женщине были явно малы. Влада ушла в ванную, оттуда долго доносился шум воды. Видимо, изучала устройство смесителя. Максим сидел на кухне, пил третью кружку чая и пытался разложить по полочкам всё, что услышал.

Версия первая: она сумасшедшая. Травма, психоз, попытка убежать от реальности в красивую сказку. Тогда её место в больнице, под наблюдением врачей. Но почему девушки нет ни в одной базе? И почему она так точно описывает вещи, которых не должно было быть?

Версия вторая: она жертва секты. Её могли удерживать, программировать, заставив поверить в существование другого мира. Тогда шрамы на руках — следы от насилия, а история про оборотней — навязанная легенда. Но кто эти люди и где они?

Версия третья: Влада говорит правду. От этой версии у Макса внутри холодело. Потому что, если она права, если существуют порталы, оборотни и магия, значит, весь его мир — просто верхушка айсберга. А где-то там, в темноте, бродит зверюга, от которого пахнет чёрным камнем и старой кровью.

Телефон, который Максим поставил на зарядку, ожил. Сообщения посыпались одно за другим: пропущенные от Пашки, дежурного и от Громова. Максим схватил аппарат и набрал номер друга.

— Абонент временно недоступен, — сказал механический голос.

Чёрт. Он набрал дежурку.

— Это Ветров. Что по Савельеву?

— А, Макс, — отозвался усталый голос дежурного. — Пашка твой с вызова не объявлялся. Мы уж думали, снова запил, но нет Криминалисты сказали, что он осмотрел место преступления, а потом словно сквозь землю провалился.

Максим сжал телефон так, что затрещал пластик.

— А труп? Что с трупом?

— Обычный бомж, — зевнул дежурный. — Разодранная правда в хлам. Собаки, наверное, или звери какие. Наш же парк лесопарком считается, там, говорят, даже медведя видели.

— Собаки, значит, — повторил Максим.

— Ага. Пашка, видать, вглубь леса пошёл. Может, следы проверить, да заплутал. А телефон сел. Уверен, завтра объявится.

— Объявится, — эхом отозвался Максим. — Ладно, спасибо.

Он сбросил звонок и уставился в стену. Перед глазами всплыла картина: разорванный лось на лесной дороге, глубокие борозды от когтей, вывернутая шея и слова Влады: «Чёрный камень и старая кровь. Здесь был кто-то из стаи».

Влада вышла из ванной с мокрыми серебряными волосами, рассыпанными по плечам. Мужская футболка едва прикрывала самые соблазнительные участки женского тела. Она выглядела уставшей, но спокойной. Увидев лицо Максима, замерла:

— Что случилось?

Опер смотрел на неё и думал о Пашке. О друге, который потащил его в клуб, который ржал над его проблемами и который сейчас неизвестно где.

— Ничего, — сказал он вставая. — Ложись спать. Я скоро.

— Максим. — Влада шагнула к нему, коснувшись руки. Метка полыхнула жаром, требуя остаться, но капитан решительно отодвинулся. — Будь осторожен. Если там Радмир

— Если наткнушь на Радмира, яйца ему отстрелю, — пообещал он, натягивая куртку.

— Он сильнее, — тихо сказала Влада. — Вдвоём мы бы

— погоди. — Максим резко развернулся от двери. — Вот ты говоришь, что оборотень. Докажи. Прямо сейчас. Стань волчицей.

В серебре глаз девушки вспыхнула усталость и горечь:

— Не могу.

— То есть как? Не можешь или не хочешь?

— Физически не смогу. — Влада прижала руки к груди. — Портал сожрал всю мою силу. Я выжгла себя почти досуха, чтобы открыть проход. В моём мире восстановилась бы за пару дней, а здесь воздух мёртвый и магии нет. Я чувствую только крохи, которые остались во мне.

— Удобная отмазка. — скривился Максим. — Ничего личного, но звучит как

— Сказка? — перебила Влада. — Да, знаю. Но это правда.

Девушка подошла к окну и указала на тонкий серп, прячущийся за тучами.

— Видишь? Ей ещё далеко до полнолуния. Луна для нас — как для вас солнце. Даёт силу. В полнолуние даже в твоём мире я смогу обернуться. Если доживу до него.

— И когда оно будет?

— Десять дней. — Влада повернулась к Максиму. — Если хочешь доказательств, подожди десять дней. Отвези меня туда, где нет людей, и я никому не наврежу. Там докажу. А пока — девушка горько усмехнулась, — придётся верить мне на слово.

— Десять дней Это не так долго, — повторил капитан, открывая входную дверь. — Запрись и никому не открывай. Я скоро.

— Максим. — Голос Влады останавливает опера на пороге. — Будь осторожен

— Не каркай.

Дверь захлопнулась. Влада осталась стоять посреди комнаты, слушая, как закрываются двери лифта. Метка ныла, требуя вернуть самца и защитить, быть рядом. Но она не пошла.

Потому что Максим велел «сидеть», а в её мире приказы альфы не обсуждаются. Даже если этот альфа ещё не знает о своём статусе.

Влада вернулась к окну, прижалась лбом к холодной поверхности и закрыла глаза. Она чувствовала Максима — удаляющегося, злого, испуганного за друга. И ещё чувствовала нечто другое. Где-то там, в ярких бликах незнакомого города, пульсировал знакомый, ненавистный ей запах. Чёрный камень. Кровь. Голод.

— Не сегодня, — прошептала она, обращаясь к дождю. — Не сегодня, Радмир. Он мой.

Максим запрыгнул в машину и погнал к парку. В голове крутились мысли: «Впервые за много лет ему было не всё равно, что будет с чужим человеком». И вторая, более страшная: «А если она права? Если всё это правда. Метка, связь, оборотни?» Он набрал ещё раз номер Пашки. Телефон друга молчал. Абонент был недоступен.

Дождь усилился, дворники не успевали смахивать воду. Ветров давил педаль в пол, и машина неслась в ночь, навстречу тому, во что он отказывался верить.

Глава 3. Следы, которых быть не должно

Дождь, словно оказывая услугу, взял небольшую паузу. Ночной парк встретил его запахом мокрой листвы, гниющих где-то в глубине яблوك и той особенной сыростью, которая забирается под куртку раньше, чем успеваешь застегнуть молнию. Фонари на влажных дорожках горели через один. То ли экономия, то ли вечная коммунальная нехватка рабочих рук. Жёлтые пятна света вырывали из темноты куски асфальтовой крошки, намокшие скамейки и силуэты двух патрульных в бронежилетах.

Максим припарковался на обочине, бросив машину с включённой аварийкой. Ксиву достал на подходе, но в оцеплении капитана узнали, махнули рукой и пропустили под ленту.

— Где? — коротко спросил он у сержанта с усталым лицом и автоматом наперевес.

— Тело уже увезли, товарищ капитан. Минут сорок назад. — Сержант кивнул вглубь парка. Туда, где за деревьями угадывалась прогалина. — Там за детской площадкой. Криминалисты всё обработали, но если хотите глянуть...

— Хочу.

Максим двинулся по дорожке, стараясь не ступать в лужи. Не из брезгливости, а по привычке не топтать следы, даже когда следов уже не осталось. Где-то слева на ветру покачивались качели, мерзко поскрипывая цепью. В кустах зашуршало. То ли ёж, то ли крыса, то ли тот же ветер.

«Поганое местечко для убийства, — подумал Максим. — Детская площадка... Утром мамочки с колясками придут, а здесь оживший эпизод из «Декстера»».

На месте, где лежал труп, виднелись следы активной работы криминалистов. Обтопанная трава, сломанные ветки, окурки в радиусе пяти метров и кровь. Много крови. Она пропитала землю насквозь, образовав с грязью липкую чёрную жижу. Пахло так, что у Ветрова защипало в носу.

— Собаки? — спросил он у патрульного.

Парень был молод, лет двадцати пяти, но говорил уверенно:

— Не похоже. Я в кинологии чуток разбираюсь. Собаки рвут хаотично, больше стаей давят. А здесь... Аккуратно Раны глубокие, но не рваные, а будто... продавленные, что ли.

Максим присел на корточки, вглядываясь в грязное месиво. Патрульный включил фонарик, подсвечивая цепочку звериных следов. Отпечатки действительно напоминали собачьи, но были крупнее. Гораздо крупнее. И постановка странная. Будто зверь шёл не на четырёх, а на двух лапах, лишь периодически опускаясь на передние.

— Может, метис? — вслух предположил Максим.

— Не знаю, товарищ капитан. — Патрульный пожал плечами. — Возможно, и правда медведь? Тут недалеко заповедник, могли зайти.

— Медведь бы задрал потерпевшего, а не... — Ветров недоговорил. Потому что не знал, чем заканчивать фразу.

Он встал, отряхнул колени и достал телефон. Сашка взял трубку после третьего гудка. Голос у него был уставший и какой-то пришибленный.

— Макс, судмедэксперт ещё не приступил к вскрытию. Через час будут предварительные.

— Сашок, осмотри тело максимально внимательно. Здесь что-то нечисто.

— Будто я не заметил, — буркнул Сашка. — Ты потом сказать не забудь, где такие собачки водятся, чтобы знать, где не сто́ит ходить.

— Какие собачки?

— Такие, что след волчьих зубов оставляют, но челюсть шире сантиметров на пять. И сила сжатия такая, что кости, как солому, ломает. Я такого не видел ни разу. А ты знаешь, я на всякое посмотрелся.

Максим почувствовал, как под рёбрами шевельнулось что-то холодное, а следом — пульсацию метки. Предупреждение? Или напоминание? Он мотнул головой, отгоняя наваждение.

— Саш, давай без бабкиных сказок. Просто работай.

— Работаю, — вздохнул криминалист. — Приезжай, сам убедишься. Тут такое... В общем, жду.

Максим убрал телефон и ещё раз оглядел место. Следы уходили вглубь парка. Туда, где за деревьями начиналась непролазная и «голодная» темнота. Капитан взял у ППС-ника фонарик и сделал несколько шагов по направлению, подсвечивая тропу. Метров через двадцать следы обрывались. Просто исчезли. Будто зверь растворился в воздухе.

— Там раньше болото было, — подсказал патрульный, заглядывая через плечо. — Летом осушали, сейчас опять развезло. Может, ушёл по воде?

— Может, — согласился Максим, хотя не верил в эту версию ни на грош.

Ветров вернулся к машине, сел за руль и долго сидел, глядя на тёмные окна многоэтажек за парком. Где-то там, на восьмом этаже, спала девушка с серебряными волосами, которая постоянно твердила про оборотней. А здесь, в парке, утром убили человека, разорвав его так, как не может ни одна собака. И ещё Пашка, друг, который утром уехал на вызов, до сих пор не отвечал.

Максим набрал номер Савельева в третий раз. Телефон пикинул и сбросил.

— Да чтоб тебя, — выдохнул Макс и завёл двигатель.

Здание бюро судебно-медицинской экспертизы находилось в двух километрах от парка. Ветров в очередной раз удивился мрачной иронии градостроителей. Морг и место преступления практически по соседству, чтобы трупы далеко не возить? Или чтоб жители не забывали, чем заканчиваются ночные прогулки по аллеям?

Сашка курил у входа, зажимая сигарету в зубах и пряча руки в карманах куртки. Увидев машину Максима, махнул рукой и затушил окурок в банке из-под пива, стоявшей здесь явно не первый день.

— Проходи, — сказал Сашка вместо приветствия. — Труп в четвёртом зале.

Внутри пахло формалином, хлоркой и ещё чем-то сладковатым, от чего у неподготовленных людей подгибались колени, а в горле образовывался ком тошноты. Макс прошёл за Сашкой по длинному коридору мимо закрытых дверей с табличками, каталок и вахтёра, читавшего детектив.

Четвёртый зал оказался небольшим помещением с тремя секционными столами из нержавеющей стали. Лампы дневного света равномерно гудели, заливая всё мертвенным голубоватым светом. На одном из столов лежало тело, накрытое плотной клеёнкой. Рядом, в резиновом фартуке поверх халата и с маской на шее, стоял пожилой мужчина с усталыми глазами и сединой на голове, торчащей в разные стороны. Судмедэксперт. Максим знал его в лицо, но фамилию вспомнить не смог. Иван Сергееч? Или Степан Сергееч? Чёрт с ним.

— Ветров, — кивнул эксперт, вытирая руки о фартук. — Сашка предупредил, что подъедете.

Одним движением судмедэксперт сдёрнул клеёнку.

— Знакомьтесь. Валерий Петрович Сомов, шестьдесят второго года рождения. Без определённого места жительства, неоднократно судим за мелкие кражи. Опознали по пальчикам и татуировке. Нашёлся тут доброволец из его круга, подтвердил личность.

Максим смотрел на тело. Мёртвых он видел много и привык, как привыкают к инструментам или к неудобной мебели в кабинете. Но этот выглядел нетипично. Не столько из-за ран, раны были, и их было очень много, сколько из-за выражения на лице. Застывший ужас. Такой, какой бывает, когда человек понимает: смерть пришла не просто так, а с чем-то неправильным, неестественным, чему нет названия.

— Смотрите, — эксперт взял карандаш и начал водить по телу, как заправский лектор. — Раны на груди, животе, шее. Всё с характерными следами зубов. Но посмотрите на рисунок. Видите?

Максим наклонился. Зубы оставили следы, которые располагались не хаотично, как бывает при нападении стаи собак, а будто по продуманной схеме. Два прокола сверху, два снизу — чёткий захват. Таких захватов было несколько: на рёбрах, на плече, на бёдрах.

— Собаки так не кусают, — продолжил эксперт. — Собака вцепляется и трясёт. Рвёт, пока не оторвёт кусок. А здесь... Будто кто-то прицельно сжимал челюсти в определённых точках. Чтобы остановить жертву, обездвигить, а потом уже добить. Профессиональная работа, я бы сказал. Это животное очень опытное. Может, бойцовый пёс.

— Размеры? — спросил Максим, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Эксперт отложил карандаш и взял листок с карандашными набросками. Сашка, видимо, уже успел всё замерить и записать.

— Размер челюсти — около двадцати сантиметров. У крупной немецкой овчарки — четырнадцать-пятнадцать. У кавказской — до семнадцати. У волка примерно столько же, сколько у овчарки, плюс-минус. А здесь — двадцать. Это даже не собака, а небольшой динозавр.

— Может, всё же медведь? — предположил Максим без особой надежды.

— У медведя клыки крупнее, расположены иначе и челюсть другая. Я коллеге звонил, он по зубкам спец, кандидатскую защищал по идентификации по укусам. — Эксперт покачал головой. — Сказал, что такие пропорции бывают у крупных хищников из семейства кошачьих. Но у кошачьих клыки длиннее, тоньше и захват иной. А здесь — волчьи, но словно... увеличенные. — Он помолчал, глядя на тело. — Максим Викторович, я тридцать лет в профессии. Видел разные повреждения. Ножи, пули, топоры. Но такие — впервые. Прозвучит странно, но я понятия не имею, что это.

Максим провёл рукой по лицу. Глаза слипались, в висках стучало. Метка на плече пульсировала ровно, без боли, напоминая о себе каждую секунду.

— Есть ещё что-нибудь? — спросил он у криминалиста.

Сашка, который всё это время стоял чуть поодаль, шагнул вперёд и протянул пакет с уликами.

— Вот, смотри. На одежде жертвы и на коже обнаружили это.

В пакете, на ватном диске, виднелся тёмный налёт. Что-то среднее между пылью и сажей.

— Предварительный анализ показал: не земля, не копоть и не угольная пыль. — Сашка говорил быстро, как всегда, когда увлекался. — В основе — базальт, полевой шпат и ещё какие-то минералы. Такой букет бывает у вулканических пород. Но у нас во всей области нет вулканов.

— Может, со стройки? — предположил Максим. — Или с дороги? Щебень там...

— Строек рядом нет. Ближайшая — за два квартала. Там обычный кирпич и бетон. Дороги посыпают гранитной крошкой, у неё другой состав. А это... — Сашка пожал плечами. — Я отправил в лабуху на допанализ, но пока тишина. И ещё: частицы въелись глубоко. Не сверху, а в ранах. Будто зверь уже был в этой пыли, когда нападал. Или место там какое-то особенное.

Максим снова посмотрел на тело, на странные следы укусов, на застывший ужас в глазах мертвеца и вдруг поймал себя на том, что ищет сходство с лосем, которого они с Владой нашли утром на лесной дороге. Тот же рисунок захвата. Те же глубокие раны. И запах... Максим принюхался, хотя формалин перебивал почти всё.

— Ты это чувствуешь? — спросил он у Сашки.

— Что?

— Станный запах. Камень и... мокрая псина.

Сашка уставился на капитана с подозрением.

— Макс, ты нормальный? Тут формалином весь район провоняло. Я даже свои подмыхи не чую.

— Значит, показалось, — буркнул Максим.

Но капитан понимал, что не показалось. Потому что метка на плече вдруг дёрнулась, и по телу пробежал холодок. Будто кто-то прошёл рядом, очень близко, и дыхнул ледяным воздухом прямо в затылок.

— Лады, — сказал он, отворачиваясь от стола. — В предварительных зафиксируй всё, что есть, но без сказок. Нападение крупного хищника. Возможно, бродячие псы, сбежавшие с нелегальных боёв. Подчеркни необычные следы, но давай без фантастики. Нам прессу кормить чем-то надо, а версии «чёрт знает что» начальство не примет.

Эксперт кивнул, снова накрывая тело клеёнкой. Сашка проводил Максима до двери.

— Слушай, Макс, — сказал он уже в коридоре, понизив голос. — Если бы не знал, что такого не бывает, сказал бы, что это оборотень. Ну, типа полнолуние скоро...

Криминалист нервно хохотнул. Максим вздрогнул. Всего на миг, но Сашка заметил. Улыбка сползла с его лица.

— Ты чего?

— Ничего, — отрезал Ветров. — Совпадений много, вот и всё. Работай, мне отчёт к утру нужен.

— Сделаю, — пообещал Сашка, но смотрел уже недоверчиво.

Ветров вышел на улицу и глубоко вдохнул свежий, ночной воздух. Метка горела, не переставая, а в голове стучала одна мысль: слишком много совпадений. Слишком. И запах этот... камень, гарь, псина. Точь-в-точь как тогда, перед отделом, когда Влада сказала про чёрный камень.

— Твою ж мать, — выдохнул он, садясь в машину.

Он снова набрал Пашкин номер. Телефон друга был недоступен.

В отделе было спокойно и даже как-то уютно. Приёмные часы давно закончились, и в половине кабинетов свет уже не горел. Ветров прошёл к своему кабинету, стараясь ни на кого не наткнуться, но у двери его перехватил дежурный.

— Максим Викторович, вас Лебедев вызывает. Срочно.

— Вот спасибо, обрадовал.

Лебедев сидел в своём кабинете, заваленном папками так, что стола почти не было видно. Майор был мужиком въедливым и терпеть не мог, когда что-то шло не по плану. Увидев Максима, он отложил рапорт и снял очки.

— Докладывай.

Максим сел и коротко обрисовал ситуацию. Труп в парке, странные следы, предварительные данные криминалиста, пропажа Пашки. Лебедев слушал молча, только желваки ходили под морщинистой кожей небритых щёк. Когда Ветров закончил, он тяжело вздохнул:

— То есть ты хочешь сказать, что у нас по городу шастает зверь, который разрывает людей, а мы даже не знаем, кто это? Собака? Медведь? Или сбежавший тигр из цирка?

— Пока не знаем, — честно ответил Максим. — Сашка работает, а Савельев, скорее всего, просто телефон потерял. Он мужик опытный, не пропадёт.

— Уверен?

— Насколько можно быть уверенным при нашей работе.

Лебедев потёр переносицу.

— Ветров, я не хочу сказок. Мне нужен подозреваемый. Или хотя бы версия, которую можно скормить прессе. Завтра утром здесь будут журналисты, а если я скажу, что «не знаем», меня сожрут с потрохами.

— Скажи, что отрабатываем версию нападения бродячих собак, — предложил Максим. — Назначим проверку городских свалок, разошлём ориентировки в жилконторы. Это хотя бы похоже на деятельность.

— Похоже, — согласился Лебедев. — Ладно, действуй. И Ветров...

— Да?

— Савельева найди. Мне не нравится, что он пропал.

Максим кивнул и вышел. В коридоре его перехватил Костик, сунув в руки кружку с обжигающе горячим кофе.

— Товарищ капитан, вы сегодня ещё не спали? Глаза красные, как у волка.

— Не умничай, — огрызнулся Максим беззлобно.

Он выпил кофе в четыре глотка, обжёг нёбо, но хотя бы немного взбодрился. Ветров сел за свой стол, включил компьютер и полез в базу, чтобы проверить сообщения о пропавших без вести, о найденных трупах или странных нападениях за последнюю неделю. Ничего. Тишина. Будто этот зверь появился из ниоткуда.

Телефон зажужжал. Максим глянул на экран и чуть не выронил аппарат. Пашка.

— Ты где был, сволочь?! — рявкнул он в трубку, даже не поздоровавшись.

— Макс, привет. — Голос Савельева звучал странно. Уставши, глухо и как-то отстранённо. — Я в порядке. По личным делам отлучился, а телефон сел.

— Где ты сейчас?

— Не в городе, но завтра вернусь. Ты это... будь осторожнее... Хорошо?

— Паш, чего ты несёшь? — Максим напрягся. — Что случилось?

— Ничего. Всё нормально. Просто... — Пашка замолчал, и в трубке слышалось только дыхание друга. — Потом, брат. Телефон садится. Всё потом.

Связь оборвалась. Максим перезвонил сразу же, но абонент снова был недоступен.

— Чёрт, — выдохнул Ветров, глядя на погасший экран.

Что-то было не так. Пашка никогда прежде не говорил таким тоном. Даже когда его ранили четыре года назад или когда хоронили отца. А тут — он будто испугался. Или пытался предупредить?

Максим откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Всего на минуту. Просто чтобы перестать видеть перед собой следы укусов, странные отпечатки и глаза Влады, когда та говорила про Радмира. Метка пульсировала ровно, почти успокаивающе. Ветров вдруг понял, что ему не терпится вернуться домой. Не чтобы завалиться на боковую, а чтобы увидеть её. Убедиться, что девушка там и что с ней всё в порядке.

— Совсем с катушек слетел, — пробормотал себе под нос капитан и заставил себя открыть очередной отчёт.

Но мысли о Владе и о том, что через десять дней полнолуние, не уходили. В коридоре раздался шум, кто-то громко заспорил у кофемашины. Максим посмотрел на часы. Полпервого ночи. Пора возвращаться.

Лифт не работал. Разумеется. В час ночи, когда ноги гудят, глаза слипаются, а в голове каша из трупов, странных следов и загадочных телефонных звонков. Ветров выругался и пошёл на восьмой этаж пёхом, перепрыгивая через две ступеньки и чувствуя, как метка на плече пульсирует в такт сердцебиению. С каждым этажом она становилась теплее, словно кто-то там, наверху, включал обогрев.

На площадке седьмого этажа услышал голос. Визгливый, поставленный, способный пробить любую броню, включая железобетонные перекрытия. Зинаида Петровна? Кого же ещё.

— ...У нас приличный дом, а тут такое! Машины гудят ночью под окнами, свет мигает, незнакомки с серебряными волосами шляются! Как у покойницы с того света!

Максим замер, пытаясь расслышать, кому она вещает. Судя по всему, самой себе. Тренируется перед завтрашним рейдом в домком?

— И главное, в квартире восемьдесят семь этот ваш Ветров! Капитан полиции называется! Девоч водит, а я страдай?

Опер выдохнул и решительно шагнул на площадку восьмого этажа. Зинаида Петровна возмущенно вещала в сторону лифта, который, естественно, не работал и открыться не мог. Фиолетовые волосы стояли торчком, халат распахнулся, демонстрируя миру ночную рубашку в цветочек.

— Зинаида Петровна, — Максим постарался, чтобы голос прозвучал максимально миролюбиво, — Вы почему не спите в такое-то время?

Старуха развернулась с грацией боевого вертолёт.

— Явился? — заверещала она. — Я здесь, понимаешь, караюлю! У нас подъезд не бордель, между прочим! Чтобы я ночами всяких... с волосами... видела!

— Зинаида Петровна, у меня гостя.

— Гостя! — Старуха аж задохнулась от возмущения. — Может, бандерша? Или шпионка?

Максим вздохнул и полез в карман за ключами. Разговор не имел смысла, но игнорировать Зинаиду Петровну было себе дороже. Старуха умела писать жалобы так, что потом приходилось сочинять объяснительные по полгода.

— Зинаида Петровна, я же вам говорил, это моя знакомая из другого города. Погостит немного и всё.

— А почему она двери нюхает? — не сдавалась старуха. — Я смотрела в глазок, а она носом воздух тянет!словно собака!

Максим мысленно застонал. Метка на плече нагрелась сильнее. Влада, скорее всего, была за дверью и всё слышала.

— Зинаида Петровна, у неё аллергия. На ваши духи.

— Аллергия на духи? — старуха подозрительно прищурилась. — А почему тогда она на меня так смотрела? Как будто съесть хотела!

— Влада... завидует вашей необычной причёске.

— Врёшь ты всё! — пенсионерка ткнула в Ветрова пальцем. — Я позвоню в домком! Или участковому!

— Зинаида Петровна, я сам участковый в некотором роде. Капитан полиции, если вы забыли.

— А я позвоню вашему начальнику!

Максим прислонился лбом к двери, собираясь с силами. И в этот момент замок щёлкнул. Дверь приоткрылась, и в щели появился глаз. Серебристо-серый, с вертикальным зрачком, который расширился, втягивая свет.

— Всё в порядке? — тихо спросила Влада, пристально посмотрев на старуху. Максим физически ощутил, как пенсионерка стремительно напряглась. Вместо того чтобы огрызнуться, Влада вдруг спокойно произнесла:

— У неё пульс сто двадцать, давление скачет, и сердце работает с перебоями. Ей нельзя так кричать. И вообще нельзя волноваться. Зинаиде Петровне нужно выпить валерьянки и лечь спать. Иначе утром случится гипертонический криз.

— Откуда... она знает про давление? И пульс

— Она ветеринар. У неё нюх на болезни.

Влада моргнула, вертикальный зрачок исчез, сменившись обычным человеческим. «Показалось?» — подумал Ветров. Девушка улыбнулась старухе почти дружелюбно.

— Вам правда нужно беречь себя, уважаемая. И поменьше есть соли.

Зинаида Петровна, раздавленная количеством информации, не могла выдать ни звука. Потом собралась с духом, тряхнула фиолетовыми кудрями и выдала:

— Всё равно узнаю, кто она такая! И чего вы здесь оба прячете! — Старушка вернулась в свою квартиру, громко хлопнув дверью.

Максим зашёл, прислонился к косяку и выдохнул.

— Ты зачем открыла?

— Волновалась. Там крик, ты долго... — Влада смущённо потупилась. — Я не хотела мешать. Просто... метка нагрелась, и я решила, что возникла опасность.

— Опасность — это как раз Зинаида Петровна, — буркнул Максим, скидывая куртку. — Похуже любого Радмира.

Влада улыбнулась, но улыбка получилась натянутой. Максим только сейчас заметил, что девушка дрожит. Мелко, едва заметно, но дрожит. И глаза у неё уставшие, с тёмными кругами, хотя вроде бы должна была поспать.

— Ты как? — спросил он, удивляясь собственным интонациям.

— Нормально, — Влада пожала плечами. — Осваиваюсь. У тебя здесь много... странного.

Влада кивнула в сторону комнаты, где на журнальном столике стояла микроволновка с открытой дверцей. Рядом валялся пульт от телевизора, а на экране застыл какой-то сериал на паузе.

— Я поняла, как включать свет, — похвасталась Влада. — Там кнопка. И эту штуку, — она показала на микроволновку, — я тоже с ней разобралась. Она еду греет. Но внутри никого. Как она это делает?

— Там есть волны. Микроволны. Они заставляют молекулы воды двигаться, еда нагревается.

Влада посмотрела на него с уважением.

— Вы даже воду мучаете. Бедные молекулы.

Максим не выдержал и засмеялся. Усталость отступила на шаг, уступив место странному, почти домашнему уюту. Он вернул микроволновку на кухню, налил себе воды из фильтра и выпил залпом. Влада стояла в дверях, прислонившись к косяку, и смотрела.

— Там был кто-то мёртвый? — спросила она тихо. — Я чувствую запах. От тебя. И железо. Много железа.

Максим замер со стаканом в руке.

— Труп. В парке. Мужчина.

— Радмир? — Влада подалась вперёд, напрягшись.

— Не знаю. Пока не знаю. Но следы странные. Криминалист сказал, что таких не видел.

Влада опустила на табуретку, обхватив себя руками. Метка на плече Максима тут же нагрелась, передавала её состояние. Страх, усталость и что-то ещё. Тоска? Вина?

— Это они, — выдохнула Влада. — Я знаю. Чувствую. Они здесь.

— Рано ещё делать выводы, — буркнул Максим.

— Максим, — Влада подняла на мужчину глаза. В них снова плясали серебряные искры. — Ты должен мне верить. Хотя бы в этом. Они снова убьют. Скоро. Потому что им скучно. Потому что начнут звереть от бессилия.

— С чего ты взяла?

— Я знаю. — Голос дрогнул. — Радмир не умеет ждать. Если он не может получить то, что хочет, начинает ломать всё вокруг. Здесь, в этом мире, он слаб. Но злость и кровь даёт силу. Они будут охотиться. На тех, кого им не жалко.

Ветров смотрел на девушку и понимал: Влада не врёт. Не сейчас. Страх в серебристых глазах был настоящим. И этот страх передавался через метку, оседая под рёбрами холодным комком.

Он достал телефон и открыл фотографии, которые скинул Сашка. Тело, следы, общий план места преступления. Максим понимал, что показывать гражданской фото с места преступления — плохая идея. Но, других быстрых способов проверить её версию не было. Влада долго смотрела, постепенно меняясь в лице. Ветеринар внутри девушки вытеснял испуганную беглянку.

— Видишь, — девушка ткнула пальцем в экран. — Разрыв не хаотичный. Это не стая, а одиночка. Сначала захват за горло, вот здесь, видишь следы? Чтобы остановить крик и перекрыть дыхание. Потом добивание. Но не сразу.

— Откуда знаешь?

— Раны на руках. Жертва пыталась защищаться. Если бы хотели убить быстро — перегрызли бы шею и всё. А тут... Рваные раны на предплечьях, на ладонях. Это защита. Хищник давал возможность сопротивляться. Ему нравилось.

Максим смотрел на фотографии и видел то же, что и Влада. Только не знал, как это объяснить словами.

— Это не голод, — продолжила Влада. — Это демонстрация силы. Охота ради охоты. Чёрные Скалы так делают. Они считают себя высшими, чистыми. А люди для них... — Она запнулась. — Словно скот. Для забавы.

— С чего ты решила, что это именно Чёрные Скалы? Сама говорила, кланов много.

— Стилль. — Влада не обижалась, отвечая чётко. — Серые Волки убивают, чтобы есть или защищаясь. Дикие кланы быстро, чтобы жертва не мучилась. А Чёрные... Получают удовольствие. Радмир учит своих: «Слабый должен чувствовать боль, тогда сильный становится сильнее». Это их идеология.

— И сколько их здесь, как думаешь?

— Меня преследовал Радмир и две его гаммы, Бор и Хмурый. Хотя Есть ещё один... — Влада помедлила. — Берсерк. Этот волк — реальный ублюдок. Радмир держит его в качестве палача. Если Берсерку дать волю, он будет рвать всех подряд, пока добыча не кончится.

— Берсерк — кличка?

— Нет, имя. Он из северных кланов. Его щенком нашли и вырастили для боёв. Берсерк почти не говорит, только рычит и не чувствует боли. Радмир спускает его с цепи, когда нужно кого-то наказать.

Максим потёр переносицу. Информации было много, и она ложилась на увиденное слишком уж гладко, чтобы быть простым совпадением.

— Влада, послушай, — сказал он медленно. — То, что ты говоришь... может быть правдой. Но может и не быть. Мне нужны доказательства. Реальные. Которые я могу предъявить начальству, прокуратуре и экспертам.

— Знаю. — Она кивнула. — Поэтому и сказала про полнолуние. Это единственный способ доказать. Если доживём.

— Доживём, — жёстко ответил Максим. — Я не собираюсь подыхать из-за какой-то банды психов, которые заигрались в кवादроберов.

Влада посмотрела на Ветрова долгим взглядом. Потом протянула руку и коснулась его плеча там, где под тканью рубашки горела метка.

— Она пульсирует, — тихо сказала она. — Сильнее, чем утром. Ты устал, злишься и боишься. За друга. За меня. За себя.

Максим хотел отдёргнуться, но не смог. Потому что прикосновение девушки снимало его напряжение. Уходила головная боль, ломота в мышцах и тот противный холодок под рёбрами, который появился после разговора с Пашкой.

— Что ты делаешь? — спросил он хрипло.

— Ничего. Просто касаюсь. Метка любит контакт. Он лечит.

— Лечит?

— Немного. Снимает боль, усталость. Но это временно. Чтобы убрать совсем...

Влада недоговорила, но Максим и так понял. Чтобы убрать совсем, нужно сделать то, о чём она говорила. Близость. Физическая связь. Подпитка.

— Я не буду тебя использовать, — сказал он жёстко. — И тебе не позволю.

— А я и не предлагаю. — Влада убрала руку. — Просто знай: если станет совсем неважно... я рядом.

Она встала и ушла в зал, оставив Максима одного на кухне. Телефон звякнул. Сообщение от Пашки: «Всё норм, брат. Завтра буду». Максим перечитал три раза. Что-то всё равно было не так.

— Чёрт, — выдохнул Максим и набрал номер. Телефон друга снова молчал.

В спальне было душно. Максим лежал на кровати в одних трусах, уставившись в потолок, и пытался заставить себя уснуть. Не получалось. Тело ломило, словно при гриппе, хотя температуры не было. В висках стучало, мышцы сводило судорогой, а метка на плече горела так, будто под кожу засунули раскалённый уголь.

Он перевернулся на бок, потом на другой, затем сел, выругавшись сквозь зубы. Часы показывали половину четвёртого. Дождь за окном прекратился, и в тишине было слышно, как с козырька крыши капает по отливу. Максим прислушался. В гостиной тихо. Наверное, Влада спит. Или не спит. Метка передавала её состояние, беспокойное, напряжённое, но не такое острое, как у него.

Максим встал, прошёл на кухню и открыл морозилку. Замороженный горошек — лучшее средство от боли. Он приложил пачку к плечу и замер, считая про себя. Десять, двадцать, тридцать секунд. Ни фиги. Горох таял, стекая ледяными каплями по спине, а метка даже не думала остывать.

Он снова выругался, выбросил пачку в раковину и полез в аптечку. Обезбол. Две таблетки. Запил водой из-под крана. Подождал пять минут. Десять. Боль не уходила, растекаясь по телу и концентрируясь в паху, груди и кончиках пальцев.

— Твою ж мать, — выдохнул Ветров и отправился в ванную.

Холодный душ. Ледяная вода, от которой перехватывало дыхание. Макс стоял под струями, пока зубы не начали выбивать дробь, потом перекрыл воду, замотался полотенцем и вышел. Метка загорелась с новой силой. Теперь он чувствовал не только свою боль, но и её. Дыхание Влады, пульс и отчаянное желание встать и прийти к нему.

— Нет, — сказал Максим себе шёпотом, возвращаясь в спальню. — Я справлюсь.

В комнате скрипнул диван, и раздался шаг. Тихие, босые, по паркету. Дверь приоткрылась.

— Максим...

— Не входи.

— Я не войду, если не хочешь. — Голос Влады звучал ровно, но в нём дрожала та же боль, что и у него. — Просто скажи, как ты, и я уйду.

— Уходи.

Тишина. Она не уходила. Стояла в дверях. Даже в темноте Максим видел, как блестят глаза, в которых плясали серебристые искры.

— Это само не пройдёт, — сказала она. — Чем дольше терпим, тем хуже будет потом. Метка требует подпитки. Игнорировать можно, но больно. Очень.

— Выдержу.

— Ты выдержишь. — Влада шагнула в комнату. — Я тоже. Но зачем? Зачем мучить себя, если можно просто... побыть рядом. Я не требую секса. Я прошу простого контакта. Тепла и дыхания в унисон.

Максим зажёл бра у кровати. Жёлтый свет выхватил из темноты соблазнительную фигуру. В его футболке, с распушенными серебряными волосами и тёмными кругами под глазами, Влада выглядела измученной и прекрасной одновременно.

— Садись, — сказал он, кивая на край кровати.

Влада села. Метка над левой грудью — он впервые увидел её, проступающую сквозь ткань, — светилась слабым серебряным светом. Такой же рисунок, как у него на плече. Волчья лапа, но вписанная в круг.

— Можно? — она протянула руку к его плечу.

— Валяй.

Её пальцы коснулись метки, и Макса прострелило током. Не больно Наоборот. Боль уходила волнами растворяясь. Влада сидела рядом, а тепло женского тела разливалось по комнате, согревая лучше одеяла.

— Дыши вместе со мной, — попросила она. — Вдох. Выдох. Не спеши.

Максим послушался. Вдох. Выдох. Ритм сбивался, потому что рядом была та, что пахла лесом и дымом, и это сводило с ума.

— Я не хочу, чтобы ты думала, будто я... — начал он.

— Я ничего не думаю, — перебила Влада. — Я знаю, что ты не хочешь меня использовать. И я не хочу, чтобы меня использовали. Но метка — это не про «хочу». Это про «надо». Для выживания.

— Секс для выживания? — усмехнулся Максим. — Новый уровень.

— Не секс, а близость. Это разные вещи.

Она убрала руку, и боль тут же вернулась. Максим зашипел сквозь зубы.

— Видишь? — Влада вздохнула. — Пара не может долго без контакта. Это как разорванная цепь.

— Что предлагаешь?

— Лечь рядом. Просто лечь и не думать.

Ветров посмотрел на девушку и подвинулся, освобождая место. Влада легла на спину, глядя в потолок. Максим лежал рядом, стараясь сохранить дистанцию. Не получилось. Тело само тянулось к теплу, рука легла ей на талию, а нос уткнулся в волосы, пахнущие чем-то нездешним.

— Так хорошо, — выдохнула Влада.

Метка пульсировала ровно, но уже без боли. Та уходила, словно растворялась в запахе Влады. На её место приходило другое — возбуждение. Тягучее, горячее, от которого перехватывало дыхание и каменели мышцы.

— Я же говорил, — прохрипел Максим. — Не поможет.

— Поможет, если не сопротивляться.

— Я не озабоченный подросток.

Влада повернулась к нему. Её лицо оказалось в сантиметре от его лица. Глаза — серебряные, бездонные, с пляшущими в глубине искорками.

— А я зверь. Умею не сопротивляться.

Она поцеловала его сама. Нежно и осторожно, будто пробуя на вкус. Максим замер на секунду, а потом ответил — зло, голодно и отчаянно. Ладони сами нашли женское тело под футболкой. Кожа горела огнём, а дыхание сбилось в хриплый ритм.

— Подожди, — выдохнула Влада, отрываясь от его губ. — Не так быстро.

— А как?

— Медленно. Чтобы метка насытилась. Иначе через час снова начнётся.

Максим выругался, но послушался. Он целовал её медленно, смакуя каждое прикосновение. Губы, шея, ключица, родинка за ухом, которую запомнил ещё с первой ночи. Влада выгибалась под ним, тихо постанывая, и эти звуки заводили сильнее любого порно.

Футболка полетела на пол. Женское тело, бледное, с тонкими шрамами на рёбрах и запястьях, с идеальными изгибами открылось мужскому взгляду. Максим провёл пальцами по упругой груди, животу, бёдрам, чувствуя, как дрожит её тело.

— Ты красивая, — сказал он хрипло. — Даже со шрамами. Особенно со шрамами.

— Это комплимент?

— Это правда.

Влада улыбнулась и потянулась к Максиму, стягивая с него трусы. Обнажённые тела соприкоснулись, и мир взорвался. Метка горела, светилась, пульсировала в такт сердцам. Боль ушла, осталось только жаркое, влажное и невыносимое желание. Максим вошёл в неё медленно, глядя в глаза. Она смотрела в ответ, не отводя взгляда.

— Да, — выдохнула она. — Вот так. Медленно.

Они двигались в одном ритме, сплетая дыхание. Их тела словно стали продолжением друг друга. Метка пульсировала, замыкая цепь, передавая все ощущения через кожу, через кровь, через кости. Максим чувствовал её наслаждение как собственное, и это сводило мужчину с ума. Оргазм накрыл одновременно. Волной жара, света и крика, который Максим заглушил поцелуем. Влада под ним выгнулась, впиваясь ногтями в спину, и замерла, дрожа крупной дрожью.

Потом была тишина. Тяжёлое дыхание, влажная кожа и спутанные волосы на подушке. Метка больше не жгла. Она светилась ровным, тёплым светом, успокаивая, насыщая и исцеляя.

— Спасибо, — прошептала Влада.

— За что?

— Что не прогнал. Что поверил. Что...

— Заткнись, — Максим поцеловал её в висок. — И спи.

Влада уснула почти сразу, прижавшись к Ветрову, как ребёнок к матери. Максим лежал, глядя в потолок, и пытался понять, что только что произошло. Это была не любовь, а физическая необходимость. Из-за метки. Но почему тогда ему так хорошо? Почему не хочется убрать руку с её талии? Почему хочется защищать эту странную девушку, несмотря ни на что? Ответа не было. Только темень спальни, тишина и ровное дыхание женщины рядом.

Он уже проваливался в сон, когда Влада вдруг резко села на кровати. Огромные, серебряные, с вертикальными зрачками глаза смотрели в окно.

— Что? — Максим мгновенно проснулся, потянувшись за пистолетом.

— Там... — Влада вслушивалась в тишину. — Кто-то выл. Далеко. Очень далеко. Но я слышала.

Ветров встал и подошёл к окну. Внизу спал город, мокрый, тихий, равнодушный.

— Никого нет.

— Есть, — твёрдо сказала Влада. — Они в этом мире. Я уверена.

Она обхватила себя руками, и Макс видел, как дрожит спина девушки. Не от холода — от страха. Настоящего, животного страха, который не спрятать за бравадой. Метка на плече пульсировала новой тревогой.

Глава 4. Временная на территории

Тело вынырнуло из сна в состоянии тревожной готовности, хотя мозг ещё не успел включиться. Максим лежал неподвижно, сканируя обстановку через прикрытые веки. Свет за окном — серый, утренний, без намёка на солнце. Дождь то ли кончился, то ли притаился на время. Тишина — квартирная, с лёгким гулом холодильника и редкими всхлипами воды в трубах. И дыхание. Рядом. Нежное, ровное и чуть слышное.

Влада спала на его плече, прижавшись щекой к ключице. Волосы рассыпались по груди серебряным водопадом, щекоча кожу. Одна рука лежала на мужском животе, вторая спряталась под подушку. Впервые за двое суток Максим не чувствовал жжения метки. Совсем. Только едва заметную пульсацию, в такт сердцебиения, но без навязчивой боли, которая сводила с ума.

«Сработало? Или воспаление спало?» — подумал он. — Вот тебе и подпитка».

Мысль показалась фантастической, но от фактов опер никогда не отмахивался. Макс не хотел этого секса Вернее, как и любой адекватный мужик, конечно, хотел, но не в качестве вынужденной меры. И вот результат. Боль прошла, метка успокоилась, а на плече дрыхнет красotka, от запаха которой хочется вечно лежать вот так и пялиться в потолок.

Максим зевнул и осторожно повернул голову, чтобы разглядеть её лицо. Во сне Влада выглядела... нормально. Даже обычно. Никаких тебе серебряных искр в глазах, никакой насто-роженности испуганного зверька. Молодая женщина с длинными ресницами, родинкой на скуле и чуть припухшими от сна губами. Даже небольшой шрам на её плече казался старым следом какой-то дурацкой истории, а не свидетельством домашнего насилия.

«Уязвимая, — поймал себя на мысли Максим. — Манящая, тёплая и человеческая. Чёрт бы тебя побрал».

Он злился на себя за то, что уже не воспринимает Владу как проблему, которую можно решить одним звонком в психушку. Злился на метку, которая, видимо, не только снимала боль, но и пудрила мозги.

Влада вздохнула во сне, пошевелилась и вдруг открыла глаза. Резко, без промежуточной фазы «спросонья». Ясный, осознанный взгляд упёрся в него с расстояния в десять сантимет-ров.

— Доброе утро, — сказала девушка хрипловато.

— И тебе с той же полочки, — буркнул Максим, стараясь, чтобы голос прозвучал ровно.

Влада прищурилась и начала водить взглядом по мужскому лицу, словно сканируя.

— Пульс шестьдесят восемь, — заявила девушка тоном, каким обычно врачи сообщают результаты анализов. — Дыхание ровное, но поверхностное. Зрачки реагируют на свет нор-мально. Признаков перегрузки нервной системы нет.

— Чего? — Максим попытался отстраниться, но Влада прижала ладонь к его животу.

— Осматриваю тебя. — Девушка говорила абсолютно серьёзно. — Я должна знать твоё состояние. Метка ночью забрала много энергии. Нужно убедиться, что нет истощения.

— Я же тебе не подопытный кролик.

— Кролики гораздо честнее людей. — Влада улыбнулась краешком губ. — Они не скры-вают, когда им плохо. А ты скрываешь.

— Я мент. Работа у меня такая Скрывать.

Девушка не стала спорить, а просто убрала руку и села, придерживая одеяло на груди. Максим снова поймал себя на том, что разглядывает её плечи, шею, родинку за ухом.

— Прости, — сказала Влада тихо. — За то, что втянула во всё это. Я знаю, ты не хотел...

— Не начинай, — огрызнулся он, но без злости. — Что сделано, то сделано. Живём дальше.

— Живём, — радостно повторила Влада.

Максим встал, натянул семейники и пошёл в ванную. В зеркале первым делом он осмотрел плечо. Метка выглядела... иначе. Чётче и ярче, будто кто-то обвёл рисунок свежими чернилами. Края слегка припухли, но без покраснения. И пульсация теперь казалась ровной, спокойной, словно эхо сердцебиения.

— Воспаления нет — буркнул он себе под нос. — Только аллергия на... сказки. Или психосоматика.

Зеркало отражало действительность с железобетонным цинизмом. Максим плеснул холодной воды в лицо, заставляя себя не думать о том, что эта штуковина на плече выглядит уж слишком... живой.

За ноутбуком Ветров почувствовал себя более уверенным. Тут всё было понятно, привычно и по-человечески: экран, клавиатура, строки поиска, базы данных. Он продолжил пробивать Владу по всем мыслимым и немыслимым каналам. Результат оказался тем же. Ноль. Ни одной Волковой Владаны в возрасте двадцати шести лет с такими приметам. Ни одного заявления о пропаже человека, которое подходило бы под описание. Ничего.

— Либо тебя очень хорошо спрятали, — пробормотал капитан вслух, не оборачиваясь, — Либо тебя реально нет в нашей системе.

Завёрнутая в плед Влад устроилась на диване и пила чай из кружки с надписью «Лучшему папе». Подарок Максиму на двадцать третье февраля от Алисы. На коленях девушки лежал пульт от телевизора, который она разглядывала с таким видом, будто это был древний артефакт.

— Я же тебе сто раз говорила. Меня не было в вашем мире.

— Допустим, — Максим развернулся на стуле. — Но людям об этом знать не обязательно. Особенно моей дочери.

Влада подняла глаза.

— Твой щенок приезжает?

— Дочь, а не щенок. И да, приедет. Завтра. На выходные. И если ты ляпнешь при ней хоть слово про кланы, альф и магию, нас обоих упекут в дурку. Она подросток, у которого длинный язык и все возможности интернета в кармане. Друзья в соцсетях разносят сплетни быстрее, чем я успеваю написать рапорт.

Влада кивнула, принимая информацию:

— Что мне тогда говорить?

— Правду. Частичную. — Максим потёр переносицу. — Ты — Влада Волкова, ветеринар. Приехала из другого города и попала в сложную ситуацию. Временно живёшь у меня. Мы знакомы через приют для животных. Да. Через волонтеров. Я помогал с делом про жестокое обращение, а ты консультировала. Познакомились, подружились. Всё.

— Подружились? — повторила покрасневшая Влада, чуть улыбнувшись. — Это когда не спят вместе, но помогают друг другу?

— Примерно. — Макс поморщился. — Слушай, я знаю, что это звучит глупо. Но для людей это норма. Мы не нюхаем друг друга при встрече, не воем на луну и не делимся энергией через метку. Просто живём и не лезем в душу.

— Скучно, — констатировала Влада.

— Зато безопасно.

Девушка задумалась, потом спросила:

— А ветеринар в этом мире — титул или профессия?

— Профессия. — Максим хмыкнул. — Титулы у начальства или дебилов, которые сами себя награждают ими.

— У нас ветеринар — это практически титул. — Влада говорила серьёзно. — Тот, кто лечит зверей, считается приближённым к духам. Его уважают. Иногда даже боятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.